А. Кислицын

Южноуральцы — Герои Советского Союза

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Военно-историческая секция краеведческого музея собирает материалы о Героях Советского Союза, родившихся и работающих в Челябинской области, чтобы увековечить их память в музейной экспозиции. До сих пор пока удалось установить имена свыше ста двадцати Героев Советского Союза.

Предлагаемые очерки члена военно-исторической секции полковника запаса Кислицына А. С. являются первой попыткой рассказать трудящимся области, в первую очередь нашей славной молодежи, о бессмертных подвигах знатных земляков.

- Южноуральцы — Герои Советского Союза
  -
  - ДВАЖДЫ ГЕРОЙ
  - ВЫСОКО В НЕБЕСАХ
  - ПУТЬ К ПОДВИГУ
  - У САПУН-ГОРЫ
  - УРАЛЬСКИЙ ПАРЕНЕК
  - ЗА ОДЕРОМ
  - ГЕНЕРАЛ В. АРХИПОВ
  - ЧУДО-БОГАТЫРИ
  - СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

Южноуральцы — Герои Советского Союза

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

А. Кислицын

Южноуральцы-

Герои Советского Союза

(ОЧЕРКИ)

ЧЕЛЯБИНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ

В центре села Коелга, недалеко от мраморного рудника, установлен бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза Семена Васильевича Хохрякова.

…Жители села хорошо запомнили один из октябрьских дней 1952 года. Тогда был установлен бюст знатного земляка. В день открытия памятника герою состоялся многолюдный митинг трудящихся. Притихла площадь. Медленно опускается покрывало. Вот оно, простое русское лицо майора-односельчанина, который храбро сражался за Родину, побеждал врага.

Один за другим выходят ораторы. Они говорят о коротком, но славном трудовом и боевом пути героя. Седая женщина смахнула слезу. Кто она? Может, и ее сын на полях сражений сложил свою

голову? Только дети, пробравшись вперед, удивительно спокойны, они как бы повзрослели на минуту. Жадными глазами разглядывают они оттиски золотых звезд на груди Хохрякова и, шевеля губами, считают ордена и медали под звездами.

— Вот это герой, — сказал щуплый малыш в картузе танкиста, подняв глазенки на сверкающий бюст, забыв, что разговаривать сейчас не полагается. Его дернула за рукав девочка, очевидно сестренка, и мальчик смолк, не спуская глаз с героя.

— Кажется давно ли Сеня работал на шахте, — негромко сказал широкоплечий шахтер в фуфайке соседу в черной шинели. — Какой был парень! Вместе в Копейске работали, он электрослесарем был.

В Копейске Хохряков провел более пяти с половиной лет, там учился, вступил в комсомол, там получил трудовую закалку. Оттуда и в Красную Армию провожали.

1

Служба в армии у Семена начиналась так, как у многих. Сначала его направили в полковую школу учиться на механика-водителя танка. Но курс учебы не удалось закончить, командование направило его в особый разведывательный батальон заместителем политрука танкового батальона в город Киев. За недолгий срок пребывания в полковой школе С. Хохряков научился мастерски водить танк. Не хотелось расставаться с товарищами, с которыми уже успел близко подружиться. Но разве может солдат не выполнить воли командования!

Киев — сердце Украины. Памятники Тарасу Шевченко, Богдану Хмельницкому. Широкие, утопающие в зелени улицы. Шумный Крещатик. Седой Днепр. А песни Украины? От всей души полюбил Украину Семен.

Однажды Хохряков особенно долго любовался голубым Днепром. Воскресный день угасал, и Семену со своим другом украинцем Игнатом было приятно сидеть на крутом берегу реки, в саду, совсем недалеко от серебрившейся прибрежной волны…

Вспомнился Урал, родное село, журчание каменистой речки Коелги. В памяти возникали белые камни, всюду разбросанные сахарные головки мрамора.

— Там своя красота, здесь своя, — тихо проговорил Семен.

— Ты это о чем? — спросил Игнат.

— Вспомнил вот Урал, немножко замечтался.

Игнат торопил.

— Постой, посидим немного, может, и не придется больше увидеть всей этой красоты.

Не знал тогда Хохряков, что придется ему не раз бывать на Украине.

Друзья еще посидели.

— Велика же страна у нас и красива, — восторженно произнес Хохряков. — Вот мы с тобой сейчас в Киеве. А знаешь, сколько сот километров до западной границы? Да ты слушай, не перебивай, — не дал Сеня ответить Игнату. — А до Владивостока сколько? И везде жизнь кипит, жить нам да радоваться. А что будет завтра? Дух замирает…

— Между прочим, ты читал сегодня, как здорово наши проучили японцев у озера Хасан?

— Так им и надо, не ходи куда не надо. Не лазь, свинья, в чужой огород, будет хвост наоборот, — продекламировал Хохряков.

Друзья расхохотались.

2

Прошло полгода службы в Киеве. Потом в числе лучших Хохрякова отправили в Военно-политическое училище имени Ленина в город Москву. Снова упорная учеба. Теперь он изучает военно-политический курс. Жизнь по сигналу не тяготила его. Наоборот, Семену нравилась пунктуальность, дисциплина, подтянутость. Здесь, в Москве, Семен еще раз почувствовал, что его ведет и направляет почти неуловимая, но могучая рука. И он шел по ступенькам роста, обогащаясь новыми знаниями. Радостно и тепло на душе. Комсомольцу-воину партия поручает благородное дело — готовиться к роли командира-единоначальника, и Хохряков отдал всего себя, чтобы оправдать высокое доверие и оказанную честь. В училище он подал заявление о приеме его в ряды Коммунистической партии.

Товарищи часто говорили о Семене:

— Неспокойная душа у него, ищущая.

И в этом не трудно было убедиться, стоило посмотреть, что читал курсант «сверх программы». Его интересует «Полководческое искусство Суворова» и Наполеон. Наряду с Пушкиным, Некрасовым, Тургеневым и Гоголем Семен читает Шиллера и Анри Барбюса. С упоением он читает Горького, прежде всего «Мать», «Тихий Дон» и «Поднятую целину» Шолохова, «Петра I» и «Хлеб» А. Толстого, «Как закалялась сталь» Н. Островского и «Чапаева» Фурманова. Словом, Семен читал

много, но читал не то, что попадется под руку, а по выбору, расчетливо. Книги для него были лучшими друзьями.

Овладевал он и теоретическими знаниями. Изучение истории Коммунистической партии помогало ему разобраться в сложных событиях мировой политики. Он ясно видит два мира. Мир социализма. Это мир, за который он будет драться. И другой мир — мир капитализма, хватающий за горло всякого, кто слаб и немощен.

Занятия в Военно-политическом училище пришли к концу. Прямо со школьной скамьи Хохряков попадает в гущу боев на реке Халхин-Гол в Монголии.

…Лето 1939 года. Палит беспощадно солнце. Нет ни деревца, ни кустика. Песчаные барханы по многу раз переходят из рук в руки. Японцы рвутся к переправе. Враг подстерегает на каждом шагу.

Ответственна роль политработника в бою. Он наравне с командиром идет в атаку и вместе с ним отвечает за успех роты, за жизнь своих бойцов.

Семен проявил в боях волевые качества советского человека, любящего свою великую Родину, несгибаемое упорство в достижении победы. Вскоре его назначили политическим инструктором полка.

…Японские самураи были разбиты.

Семен Хохряков поздней осенью возвращался с «малой войны». Ехали победители. В вагоне было шумно. Семен сидел у окна, всматривался в убегающие леса, села, родные просторы. Нахлынули воспоминания.

«Если враг не сдается, его уничтожают», — вспомнил он слова Алексея Максимовича Горького. Вот так и было.

…Японская группировка, окруженная плотным кольцом советских войск, не сдавалась. Да, самураи не просили пощады, они дрались, как смертники, и погибли все, за исключением генерала Камацубара, бежавшего с поля боя на самолете. Хорош командующий, ничего не скажешь!

«Так будет с каждым, кто поднимет на нас свою руку», — подумал Хохряков, улыбаясь солнцу, выглянувшему из-за косматых гор…

Станция Байкал. Семен вышел из вагона, чтобы купить пару омулей. Это — традиция.

На груди у Хохрякова блестит медаль «За отвагу» и орден «Полярная Звезда» — награда от имени Монгольской Народной Республики.

Семен ехал в Горький, в Военно-политическое училище имени Фрунзе.

…Суровое время выпало на долю Хохрякова, как и на долю миллионов других советских людей.

3

…Сентябрь 1941 года. Калининский фронт. Семен Хохряков — заместитель командира танкового батальона. Он только что приехал в свою часть. Первые встречи и впечатления были безрадостными. Третий месяц отходят наши войска на Восток… Пал Калинин, а вчера отдали Клин.

Тяжелы солдатские будни, еще тяжелее думы.

«Далеко забрели гитлеровцы. Страшную рану нанесли нашему народу», — думает Хохряков. Об этом же думают солдаты. Собрать бы наши силы воедино да ударить по захватчикам. Ударить насмерть…

А пока что кровавые бои кончаются отступлением наших войск. Фашисты рвутся к Рязани, обходя Москву с юга. Создалась угроза столице.

Хохряков сутками на ногах. Он делает все возможное для успеха подразделений в бою. Давно не брит и не стрижен, давно не менял белье. Осунулся и, кажется, постарел. Никто не скажет, что ему 25 лет. Впалые глаза горят нездоровым блеском, но он всегда на посту.

— Товарищи! — успокаивал он всюду. — Скоро отступление кончится. Подходят резервы из Сибири, с Урала.

Его слушали молча, вздыхали. «Скоро ли это будет, скоро ли?» — читалось в глазах бойцов.

— Будет и на нашей улице праздник.

Хохряков верил в победу. Его убежденность передавалась бойцам. Октябрьские и ноябрьские бои уже не были похожи на августовские и сентябрьские. Больше стало упорства, настойчивости.

И вот пришло время, когда советские армии трех фронтов — Калининского, Западного и Юго-Западного — 6 декабря на рассвете нанесли первый сокрушительный удар по врагу. Гитлеровцы были ошеломлены внезапностью контрнаступления советских войск под Москвой.

Танковый батальон Хохрякова наступал вместе со всеми.

— Пришел час расплаты, — ликовали воины, с благодарностью вспоминая слова Хохрякова.

4

1 мая в одном из боев под городом Велиж, на Смоленщине, Семена тяжело ранило. Он выбыл из строя. Бойцы тяжело переживали разлуку, на прощание они пожелали ему скорого выздоровления. В часть он снова вернулся в июле.

Семен был невысокого роста, ладно скроенный. Из госпиталя он вернулся отдохнувшим и повеселевшим и по-хозяйски приступил к делу. Его видели там, где было наиболее опасно и трудно.

— С таким командиром и умереть не страшно, — вслух говорили танкисты.

— Зачем же умирать? — укоризненно говорил Хохряков. — Нет, ты, брат, живи да получше воюй, а умирают пусть те, кого девушки не любят, — шутил он.

Шли месяцы и годы. Сорок второй, сорок третий, сорок четвертый годы — трудные, не похожие один на другой. Воины возмужали, познали радость побед. В марте 1943 года Хохрякова назначили командиром батальона.

Семен любил свой батальон и гордился боевыми делами подразделений, как добрый отец успехами своих детей, а бойцы уважали его за храбрость, за умение воевать и за солдатскую простоту.

…1-й Украинский фронт. 15 суток подряд батальон Хохрякова вел жестокие бои, уничтожая и отбрасывая все дальше на запад вражеские части.

Вот что писал командир бригады три дня спустя после этих боев.

> «Хохряков проявлял исключительную храбрость, мужество, отвагу и умело руководил боевыми действиями. Только за период с 4 по 18 марта его батальон уничтожил: 10 танков, 22 артштурма, 9 орудий ПТО, 19 минометов, разных пулеметов до 30 штук, 15 автомашин и 342 солдата и офицера.
>
> Кроме того, батальон захватил в плен 130 солдат, 750 подвод с военными грузами, 20 тонн дизельного топлива, 18 груженых вагонов и до десятка автомашин.
>
> Владея прекрасно оружием, Хохряков лично уничтожил 4 танка, 6 артштурмов, 4 ПТО и много другой боевой техники, а также живой силы врага. Его экипаж пленил 36 человек. Захватил сотню подвод».

В том бою Семен Васильевич был вторично тяжело ранен и контужен, но не покинул поле боя.

— Так и не поехал в госпиталь, хотя часто терял сознание. Лишь вечером, когда стихло, мы его бережно уложили и

отправили лечиться, — говорили боевые друзья-танкисты.

Через несколько дней в госпиталь было отправлено с нарочным письмо:

> «Гвардии майору Хохрякову — Герою Советского Союза.
>
> Дорогой товарищ!
>
> Командование и личный состав воинской части с большим удовлетворением и радостью встретил сообщение о награждении Вас высшей правительственной наградой — званием Героя Советского Союза.
>
> Сердечно поздравляем Вас и желаем Вам скорого выздоровления и возвращения в родную часть.
>
> Ваши героические дела являются для всех нас образцом смелости, отваги и мужества и воодушевляют продолжать Ваши боевые традиции в предстоящих боях с фашистскими захватчиками.
>
> Мы надеемся, что Вы скоро вернетесь в нашу боевую семью и своим личным примером будете продолжать множить ряды героев — бойцов и командиров.
>
> Желаем Вам бодрого настроения и быстрого восстановления здоровья.
>
> *Командир в/ч Угрюмов.*
>
> *Зам. к-ра по политчасти Ляменков».*

Как только зажили раны, Хохряков быстро вернулся в часть и снова повел своих героев-танкистов на врага.

В августе травматическое повреждение правого локтевого нерва после осколочного ранения плеча и предплечья заставило майора Хохрякова вновь на месяц покинуть передний край.

5

Шел последний год войны. Бои танковой бригады с 12 по 18 января особенно были ожесточенными. Но танкисты имели большой успех.

Танковый батальон, руководимый Хохряковым, за эти дни прошел с боями свыше 200 километров от станции М. Шидлув до г. Кшепица (на старой германо-польской границе).

Преодолевая сильно укрепленные оборонительные рубежи, батальон форсировал с боями реки Нида, Пилица и Варта.

Находясь в передовом отряде, батальон смело продвигался вперед, сбивая и преследуя части противника.

> «Дерзкие и решительные действия передового отряда не замедлили дать результат. 16 января батальон Хохрякова врывается в город Ченстохов и совместно с моторизованным батальоном автоматчиков к 3 часам дня 17 января полностью овладевает им.
>
> Потери врага: 1200 солдат и офицеров, 8 танков («Тигры» и «Пантеры»); 25 пушек полевой артиллерии; свыше 50 минометов и пулеметов; 10 бронемашин; до 150 грузовых и 20 легковых автомашин; более 700 винтовок и автоматов.
>
> Свои потери: 10 человек убитых, 21 человек раненых и пять подбитых танков».

Так доносил о действиях батальона и его командира полковник Чугунков и просил командование танковой армии наградить Героя Советского Союза гвардии майора Хохрякова второй Золотой медалью.

10 апреля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Хохрякову Семену Васильевичу присваивается звание дважды Героя Советского Союза, а 17 апреля его не стало. Всего две недели не дожил Семен Васильевич до радостного Дня Победы над фашистской Германией, к чему он так стремился, не жалея своей крови и самой жизни.

Тело героя с воинскими почестями отвезли на Украину и похоронили на городском кладбище в городе Василькове, недалеко от Киева.

За смерть своего командира нещадно мстили врагу бойцы прославленного 2-го батальона бригады, мстила вся армия Рыбалко, любимцем которой давно стал богатырь с Урала — Семен Хохряков.

Пал Берлин. Преодолевая сопротивление издыхающего неприятеля, шла на помощь осажденной Праге танковая армия Рыбалко. Бойцы 2-го танкового батальона клялись перед развернутым знаменем отомстить фашистам за смерть героя-командира, и они свое слово сдержали.

…Южноуральцы вечно будут помнить своего верного сына — дважды Героя Советского Союза Семена Васильевича Хохрякова.

ВЫСОКО В НЕБЕСАХ

Колю Жмаева в Миассе знали не многие: только лишь те, с кем он учился и работал. Школа ФЗО, затем работа столяром-модельщиком на напилочном заводе, учеба в механическом техникуме и еще год работы слесарем на том же заводе — вот и вся биография рабочего парня.

Шел 1937 год. Николая призвали в армию и направили в авиационную школу.

— Будешь летать, — сказали ему на призывном пункте.

— Есть летать! — бодро ответил Жмаев.

Шли месяцы учебы. Трудно было Николаю, но желание все познать, все осилить взяли верх. Он уверенно овладевал боевым мастерством.

Срок действительной службы был, как говорится, на золотой середине, когда Николаю, стрелку-радисту «СБ» пришлось держать серьезный экзамен на зрелость: драться с японскими самураями у реки Халхин-Гол.

Было совершено шесть боевых вылетов. Это были первые шаги к подлинному мастерству. С каждым вылетом Николай Жмаев осознавал, какое это трудное и необычное дело — вести бой в воздухе.

Последняя схватка с японцами сложилась не в пользу Жмаева. Бомбардировщик, объятый пламенем, неудержимо валился вниз.

— Прыгай! — приказал командир корабля.

И Жмаев выбросился за борт. Это был первый боевой прыжок Николая. 15 учебно-тренировочных прыжков, совершенных в школе, стоили одного такого. Парашют непривычно болтало, и Николай еле дождался прикосновения земли. К счастью, все обошлось хорошо. Товарищи тоже приземлились удачно.

Обгоревший, исковерканный самолет лежал совсем недалеко.

* * *

Великая Отечественная война застала Жмаева на Западном направлении. Николай отчетливо понимал, что предстоит суровая схватка с коварным врагом. Биться придется насмерть. Гитлеровские солдаты топтали кровавым сапогом цветущие поля Белоруссии, стремительно продвигаясь на Смоленск и далее на Москву. В воздухе происходили неравные бои.

Стрелок-радист Жмаев, познавший невзгоды войны, вместе со своими товарищами храбро отстаивал свою родную землю.

…Было это в начале войны. Командование дало задание разрушить мост в тылу врага. Трое суток советские самолеты летали за линию фронта, бомбили мост, но результатов не достигали. Гитлеровцы всеми силами оберегали мост. Его прикрывали зенитчики и прожектористы, истребители и бомбардировщики, пулеметчики и стрелки.

— Неужели нет никакого выхода, — размышлял Жмаев. — Выход надо найти во что бы то ни стало.

Как-то он подумал: «А что, если для бомбежки бомбы связывать по две? Это уже сила».

Своими мыслями он поделился с командиром, который сразу же решил испытать новый метод. Бомбы связали цепями по две. Самолет взмыл вверх. Вот и мост. Полетели вниз на объект спаренные бомбы. С первого же захода мост был разрушен.

С тех пор в эскадрилье еще больше полюбили стрелка-радиста за уральскую сметку.

Летали днем и ночью.

…Однажды командир эскадрильи собрал экипажи. Это было 17 июля.

— Фашистские танки крупной группировки, — взволнованно говорил командир, — сосредоточились в районе города Слуцк. Приказано уничтожить танки, разогнать группировку, сорвать планы немецкого командования.

Экипажи молча выслушали боевую задачу, стараясь не пропустить ни одного слова командира.

— Товарищи! — уже не так строго, а задушевно, как отец к сыновьям, обратился командир. — Все мы коммунисты и комсомольцы. Я думаю, врага мы не должны пропустить.

И вот «девятка» краснозвездных СБ уже в воздухе.

Николай крепко задумался над словами командира. Он, комсомолец Жмаев, будет драться, как всегда, упорно. Да разве только он один.

Жмаев принял сигнал перенацеливания. «Бомбить на станции Н. эшелоны с войсками и техникой», — требовал приказ.

…Под крыльями самолетов все гуще и чаще рвались снаряды. Вот-вот появятся фашистские истребители… Командир поставил новую задачу и повел эскадрилью на объект. Враги не ждали удара с воздуха и оттого не оказали упорного сопротивления. Задание было выполнено с большим успехом.

Отбомбившись, СБ отходили от цели и тут неожиданно 10 «мессершмидтов» навалились на «девятку». Завязался упорный бой.

В этом неравном бою Жмаев сбил два истребителя. Фашисты не выдержали смелых ударов и, боясь новых потерь, поспешили «оторваться» от советских летчиков. Это был крупный успех не только Николая, но и серьезная, боевая удача всей эскадрильи. Не потеряв ни одного человека, «девятка» возвращалась на аэродром.

В феврале сорок второго года экипажу самолета было приказано выполнить специальное задание члена военного Совета фронта Н. С. Хрущева: выбросить десант в районе города Унеча.

В полете экипаж зорко наблюдал за территорией, занятой захватчиками. Воздушный корабль точно в срок вышел к заданному месту. Десантников благополучно выбросили на парашютах, и самолет повернул на восток.

Советские летчики были готовы ко всяким неожиданностям, но два «мессера» появились так внезапно, что не осталось и минуты на размышления. Завязался неравный бой. От всего экипажа потребовалась выдержка, хладнокровие, умение драться

с сильнейшим противником.

Успех решали сотые доли секунд. В это мгновение нужна была особенная слаженность экипажа — командира корабля, штурмана, меткий огонь воздушного стрелка-радиста. Пулеметные струи «мессершмидтов» не один раз хлестали по телу советской машины. Николай отвечал неистовым огнем. Напряжение нарастало… И вдруг на машине перестал работать правый мотор. В этот момент меткий выстрел Жмаева свалил «мессера», и тот, ярко вспыхнув, камнем пошел к земле. У второго фашиста весь пыл, как рукой сняло, и наш бомбардировщик, войдя в облачность, потерял его из виду.

Летчик вел самолет на одном моторе и все же вынужден был сесть, не долетев 50 километров до аэродрома. К счастью, это была наша территория. Пилот посадил израненную машину благополучно.

Через трое суток на этой же боевой машине славный экипаж осторожно пробрался в глубокий тыл врага и доставил ценный груз партизанам. Обратно взяли еще более ценный груз — тяжело раненных бойцов-партизан.

Думал ли ты, читатель, сколько надо умения, максимальной выдержки, чтобы точно проложить воздушную трассу к определенному квадрату на территории, занятой врагом, благополучно сесть не на подготовленный аэродром, а всего лишь на обычную полевую, ничем не оборудованную площадку и удачно взлететь в тот момент, когда вот-вот вас накроют враги? Только выполнение одного такого специального задания является настоящим подвигом.

За два года войны Николай Жмаев возмужал, приобрел новые черты: спокойствие и выдержку в бою. В его сердце — лютая ненависть к врагу, беспредельная любовь к своим товарищам, ко всем советским людям. Как драгоценную реликвию хранил он простенькую на вид литографскую открытку. На открытке женщина-мать с ребенком, прижатым к груди. «Воин — спаси!» было написано на ней. Николай видел в этом священный призыв народа, партии, членом которой он является, нещадно громить врага, изгонять его с нашей земли.

С каким душевным трепетом Николай Романович передал эту открытку для музея. Он ее берег и хранил всю войну и 13 лет после войны. Большая человеческая душа у этого воина.

…Сотни боевых вылетов позади у Николая и его товарищей.

— И днем, и ночью, и в ветер, и в дождь, и зимой, и летом — всегда погода для нас только летная, — не раз говорил Жмаев своим товарищам по оружию.

Весна и лето сорок третьего года. Советская Армия громит

хваленые фашистские орды. Не удержаться немцам на Украине и в Белоруссии, скоро, очень скоро побегут захватчики из-под Ленинграда и Одессы. Ветер подул с Востока, и нет уже больше сил у фашизма встать ему наперекор.

Все чаще летает эскадрилья на боевые задания. Все чаще рапортует о победе.

…21 августа в районе Харькова эскадрилья, теперь уже ПЕ-2, попала в сильнейшую зону зенитного огня. Потолок на пределе, а пучки разрывов и удары молний подбрасывают самолет. Черная туча заволокла небо, и хлещет ливень, как из ведра. Нарушилась связь с землей.

«Надо уходить», — думает Жмаев. Но тут же он представляет, что, возможно, его товарищи где-то рядом дерутся с наседающими «мессерами»?

Николай с привычным напряжением вглядывается в грохочущее небо, в непроглядную муть. Невесело на душе. Яркие молнии ослепляют. Трещат мембраны наушников. Радист-стрелок по-прежнему неутомимо ищет связь, забыв обо всем на свете. Только при выходе из облака связь была снова установлена, и Николай впервые за вылет спокойно вздохнул.

Теперь уже наши самолеты летают большими группами. Народ, партия и правительство дали столько боевых машин, что и не снилось Николаю в первые два года войны.

Но захватчики и после Сталинграда и Орловско-Курской дуги дерутся с неменьшим остервенением, боятся русского «котла». 9 марта сорок четвертого года дважды летал Николай в составе значительной группы на разгром штабов и узлов связи противника в районе Золочев — Славна. Немецкие истребители, как осы, бросались на ПЕ-2. Наши «пешки», как их любовно прозвали на фронте, смело бросались в атаку, отражая мощным огнем наскоки «мессеров» и выходили победителями.

Прошел еще год. Три пятерки ПЕ-2 вылетели бомбить город Бискау. Они еще не дошли до цели, как наблюдатели обнаружили фашистские истребители, маячившие в районе объекта. Напрасно пытаются вражеские зенитчики расстроить боевой порядок.

Мгновенно вспыхивают бои с истребителями. Потеряв четыре самолета, гитлеровцы позорно отступили, и ПЕ-2 сбросили смертоносный груз на цель и без потерь вернулись на свой аэродром.

Вскоре Жмаев и его друзья штурмовали Берлин, и после капитуляции фашистской Германии его гвардейский полк продолжал уничтожать фашистские части в Карпатских горах.

…День Победы совпал с днем рождения Николая Жмаева. Впервые в пешем строю пошли летчики на митинг. Это была

волнующая незабываемая встреча победителей. Воины ликовали.

Грузовик мчится по Берлину. Николай зорко вглядывается в развалины домов. Поверженный Берлин. Всюду пепелища.

У Бранденбургских ворот машина остановилась, и летчики проворно соскочили на землю. Вот и рейхстаг, сильно поврежденный, стоит, как черная стена. Николай и его боевые друзья поднялись на третий этаж, деловито поставили свои подписи на стене. Подписи победителей не будут стерты веками.

Потом фотографировались. Прислонившись к дереву, Николай спокойно позирует.

Товарищи залезли на «тигра».

— Какой он ручной, — смеется кто-то.

— И мы укрощали этого «тигра», — гордо говорит Жмаев. — Есть здесь и наша работа.

— Неплохая работа, — послышалось в ответ.

Девять лет прослужил на действительной военной службе Николай Романович Жмаев, из них большую половину воевал. И неплохо воевал. 27 июня 1945 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил ему звание Героя Советского Союза.

Николай Романович вернулся в родной Миасс. На родине с почетом встретили знатного земляка. «Наш Жмаев не подкачал», — говорили близкие, знакомые, все те, кто знал Жмаева до войны.

И не раз Николай рассказывал о боевых делах. Рассказать было о чем. 462 успешно выполненных боевых вылета — вот славный итог. Николай Жмаев уничтожил в составе своего экипажа 12 самолетов врага в воздухе и шесть самолетов на земле, 60 автомашин, 6 танков, 8 автоцистерн с горючим, 7 железнодорожных эшелонов, 7 складов с боеприпасами, 8 складов с горюче-смазочными материалами, 36 аэродромных стационарных сооружений, 6 зенитных точек, много других объектов, а также большое количество живой силы противника.

Золотая Звезда Героя, два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени и три медали украшают грудь героя южноуральца.

Николай Романович — коренной житель Миасса — и сейчас трудится в родном городе. Земляки доверили ему большое почетное дело — он работает директором завода «Уралрезина». Жмаев член городского комитета КПСС, депутат городского Совета депутатов трудящихся, член областного комитета защиты мира.

Всюду Николай Жмаев оправдывает доверие народа.

ПУТЬ К ПОДВИГУ

1

— Деда, а деда? Почему у вас фамилия Луценко, у бабули Поли — Луценко, у дяди Васи — Луценко, у мамы тоже, а у папы — Черняев, — допытывался десятилетний внук.

Милый мальчик. Он и не подозревает пока, что дядя Вася его родной отец.

Кстати, мальчика тоже зовут Васей… Но будем терпеливы. Может быть, Вася скоро узнает тайну о своем отце.

* * *

Улица Узкая в Заречье похожа скорее на узенький короткий переулок старой, глухой деревни. Название улицы вполне соответствует ее земным масштабам.

В аккуратном рубленом домике под номером 24 с двумя белыми окнами на дорогу живут еще совсем не старые Денис Афанасьевич и Полина Васильевна Луценко, тридцать лет назад покинувшие деревню в Каракульском районе. Это родители Василия Луценко — бесстрашного летчика-штурмовика.

Надпись на столбе «злая собака» воскресила в памяти почти такой же дом на одной из улиц Карабаша. Летом позапрошлого года, разыскивая семью Героя Советского Союза Сугоняева Александра, я по ошибке зашел в соседний дом.

Радуясь скорой встрече с сестрой героя, я был внезапно атакован желтой лохматой собакой, с громким урчанием бросившейся под ноги.

На шум вышла приветливая женщина средних лет с крупными светло-синими глазами. Вытирая о передник розовые руки, женщина сказала:

— Она у нас только что ощенилась, боится за своих детенышей… А вам, гражданин, кого нужно?

— Сугоняевых разыскиваю.

— Рядом. Вы прошли их дом.

Теперь, наученный опытом, я постучался в подоконник и меня встретила женщина с мягким, ласковым голосом. Она открыла неширокую тесовую дверь во двор.

— Проходите, не бойтесь, — показывая глазами на крупную овчарку, успокаивала Полина Васильевна.

По пути в первую комнату, оказавшуюся кухней, я представился ей. С тех пор мы подружились и теперь часто сидим в этом тихом домике по улице Узкая за семейным альбомом.

Жизнь Василия Луценко увлекла меня. В душе я породнился с ним и мне хочется как можно больше узнать о нем и рассказать людям.

2

Вася Луценко приехал в город из деревни Крупская семилетним парнишкой, а через год побежал в начальную школу в Заречье. Шел 1930 год.

— Мы еще не знали, кто из него получится. Поначалу думал, столяр из него будет, — подарил ему столярный инструмент. Вася подавал даже надежды. Он строил пароходы, мастерил змея, строгал деревянные сабли, выпиливал наганы. Страшно

увлекался игрой в войну — «красные и белые» — и непременно себя выдвигал в командиры, — оживленно рассказывал Денис Афанасьевич, изредка поправляя коротко стриженые волосы — смесь серебра и меди.

— А как учился Вася?

— Хорошо учился. Его ежегодно отмечали: то книгой наградят, то карандашами цветными, тетрадями. И дисциплина у него была отличная. Тетрадки сына на выставку брали, в пример другим за грамотность и чистоту ставили, — не без гордости рассказывала Полина Васильевна.

Вспомнив что-то, мать продолжала:

— Вася очень любил рисование, все свободное время проводил за тетрадью для рисования. Я иной раз думала: «Ну, художником будет, не иначе». Не расставался с кисточками и красками. Школьные газеты и плакаты он всегда оформлял, да еще с какой охотой. Их тоже в конце года показывали на выставке.

Начальную школу Вася окончил с похвальной грамотой и его премировали материалом на костюм. Но в средней школе у сына постепенно снизились оценки, заметно ухудшилась и дисциплина. Родителям было обидно за сына. Что могло случиться? Стали замечать, что Вася увлекается рогатками, спортом не в меру. И еще одна особенность: читает много и только про летчиков. Бегает за город, на аэродром.

— Бывало не пропустит в небе ни одного самолета, — рассказывает отец. — Задерет голову вверх и провожает его каким-то пристальным взглядом. А в 1939 году он окончательно решил поступить в городской аэроклуб. Его охотно приняли.

Теперь все дни у Василия проходили в аэроклубе и на аэродроме, а вечером — в школе взрослых. В 17 лет Василий стал еще более настойчив, чем раньше, даже упрям, но, к его чести, никогда не грубил. Не слыхали от него плохого слова. С товарищами он был вежлив.

В дни полетов спал два-три часа в сутки и не было случая, чтобы его приходилось будить. Василий вскакивал, как обученный солдат, быстро умывался холодной водой и бесшумно исчезал, стараясь не разбудить родителей. Так прошло лето.

Отец перебирает в памяти мельчайшие подробности из жизни юного пилота, он помнит их по сей день, как будто было это вчера.

Через год упорной подготовки Василий окончил с отличием курсы пилотов и девять классов вечерней школы.

Вскоре Луценко послали держать испытание в Чкаловское авиаучилище. Интересна такая деталь. Из Челябинского

аэроклуба в Чкалов (ныне Оренбург) послали двенадцать юных пилотов, отлично подготовленных, физически развитых спортсменов, а приняли только двоих, в том числе Василия. Отбор в авиаучилище был чрезвычайно строгим, но в Луценко отлично сочетались качества будущего летчика-штурмовика, которые он сумел в себе развить, стремясь стать летчиком Чкаловской школы. Начались месяцы упорной учебы.

3

В то время шла Великая Отечественная война. Тяжелые испытания советских людей больно ранили комсомольское сердце. Любовь к Родине и ненависть к захватчикам звали к отмщению. Василий мечтает поскорее попасть на фронт. Сохранившееся письмо того времени говорит именно об этом.

> «Добрый день! — писал он родным в феврале сорок второго года. — Прежде всего сообщаю, что я получил от Вас много писем, но отвечать некогда.
>
> Прошу не обижаться, уж такое время. Нужно дорожить каждым часом, каждой минутой, чтобы освоить в совершенстве летное дело, а то берет досада — товарищи на фронте, защищают Родину, а я вот задержался. Вот я и тороплюсь учиться».

В авиаучилище Луценко занимается много и упорно, не жалея сил. Командование не раз отмечало его усердие. О Василии писали в газете, а Дениса Афанасьевича, приехавшего повидаться с сыном, комиссар училища лично поблагодарил за воспитание хорошего сына — патриота, чем очень растрогал старого солдата-красногвардейца.

Луценко рвался на фронт, завидовал старшим по возрасту, которые уезжали на передовую. Хотя он и знал, что раньше определенного срока его все равно не выпустят из училища, Василий с каждым днем все упорнее готовился к схваткам с врагом.

И вот пришло время — Василий Луценко на Сталинградском фронте. Первое боевое крещение. Летчик-штурмовик Луценко впервые сбросил смертоносный груз на заклятого врага.

Василий Луценко взволнован. Ему хотелось снова поднять боевую, грозную машину в воздух и снова броситься на врага, бомбить его, расстреливать.

В те суровые дни обстановка под Сталинградом, на земле и в воздухе, была накалена до предела. Оккупанты нагло рвались к

Сталинграду, торопились захватить переправы на Волге. Ежедневно Василий Луценко летал со смертельным грузом на врага, наращивал боевой опыт, закалял свою волю и скоро стал командиром звена знаменитых штурмовиков ИЛ.

Василий с многочисленными боевыми друзьями участвовал в разгроме 330-тысячной гитлеровской группировки. Это были отборные дивизии фашистского вермахта, нашедшие бесславный конец у волжской твердыни.

Здесь Василий Луценко прошел высший курс боевой подготовки, став мастером штурмовки и взаимодействия с наземными войсками.

Вот как писали тогда комсомольцы авиачасти отцу и матери о сыне:

«Привет с фронта!

Здравствуйте, Денис Афанасьевич и Полина Васильевна. Шлем Вам свой комсомольский фронтовой привет.

Дорогие Денис Афанасьевич и Полина Васильевна! Мы с радостью сообщаем Вам о вашем сыне Василии, который до настоящего времени вместе с нами уничтожает фашистские войска.

Ваш сын, как бесстрашный герой, ежедневно громит врага в воздухе и на земле. Вы помните, сражаясь за волжскую твердыню — Сталинград, Ваш сын не жалел ни сил, ни времени, ни самой жизни, летая уничтожать живую силу и технику захватчиков, защищая наше отечество от оккупантов. Начатое дело мы вместе с Васей довели до конца — разгромили фашистские армии у стен Сталинграда.

Теперь Василий наносит еще более смертельные удары, наводя ужас на гитлеровских вояк. У него на счету, как у защитника страны социализма, много боевых вылетов, он убил несколько сот гитлеровцев и уничтожил много техники врага. Теперь Вася кандидат в члены большевистской партии, он является одним из лучших и бесстрашных защитников нашей любимой Отчизны.

Мы благодарим Вас за Вашего сына, которого Вы воспитали в духе ненависти к захватчикам и любви к своему народу. Ваш сын жив и здоров и бьет фашистов без устали.

До свиданья пока и большое Вам комсомольское спасибо.

Полевая почта…

Петрову Юрию Федоровичу».

4

После Сталинграда Василий Луценко расправил крылья. Освобождая Донбасс, Кривой Рог, Мелитополь, Крым, находясь все время в схватках с противником, он редко писал письма на родину: не хватало времени. Письма, короткие, как обрывки молний, сверкали ненавистью к фашистским бандитам.

Вот одно из них.

> «Дорогие папа и мама, сестренки Зоя, Нина, Катя!
>
> Прежде всего хочу сообщить вам, что принимаю активное участие в боях с бандитами, которых уничтожил довольно-таки приличное количество, но это еще не все, они еще почувствуют мою месть за издевательства над нашими людьми. Они еще почувствуют мою месть за погибшего боевого товарища — летчика Царненко Петра. Россия сильна. Она победит. Это закон».

Шло освобождение Крыма. Однажды командованием было приказано нанести бомбовой удар по кораблям противника. Старший лейтенант Луценко, командуя группой ИЛ, совместно с группой капитана Гнеушева потопил боевой корабль. Группа вернулась на базу без потерь. Это был крупный успех, но Василий не писал об этом родным, как не писал и о правительственных наградах, которыми награждали его за храбрость и мужество в борьбе с захватчиками.

Не писал он и о том, как в марте, будучи уже Героем Советского Союза, он успешно громил артиллерию врага, подавив своей группой за один боевой вылет две зенитные батареи и взорвав склад боеприпасов.

Совершив 148 боевых вылетов, сбив 2 вражеских самолета в воздушном бою, нанеся огромный урон противнику, он был достоин звания Героя и Президиум Верховного Совета СССР присвоил бесстрашному летчику-штурмовику эту высшую степень воинского отличия.

5

В октябре 1944 года Василий участвует в освобождении Литвы. Его краснозвездные «илы» стали настоящей грозой для противника. Эти «летающие танки» — как их прозвали гитлеровцы — наводили ужас на врагов и вызывали бурные восторги советских воинов.

И снова Василий пишет отцу:

> «Да, победа будет. Наша победа. Она близка. Приеду к вам только с победой советского оружия.
>
> Я по-прежнему занимаюсь охотой на двуногих зверей и, к моей радости, пострелял их порядочное количество».

И так до конца войны.

Отгремела война и Василий приехал к своим родителям, как обещал, с победой, на его груди Звезда Героя и несколько орденов и медалей. Пришла великая радость на улицу Узкую. Приехали родственники. Поднимали один тост за другим. Все ждали, что вот-вот Василий попросит тишины и расскажет, как он храбро воевал, за что получил ордена и медали, покажет на Золотую Звезду и скажет, как стал Героем. Но ничего этого не случилось.

Василий слушал других, отца и мать, сестренок, дорогих гостей и радовался, что снова находится среди близких, что миллионы советских людей на фронте и в тылу отстояли свою великую Родину.

Но Василия все же попросили выступить, хотя он и не любил речей: ни длинных, ни коротких.

— Отучили надолго лазить по чужим закромам фашистскую скотинку. Думаю, что впрок пойдет, однако порох надо сухим держать, врагов немало кругом, — сказал Василий. — Ждал я этого дня и дождался.

6

На другой день отец и мать стали допытывать и допрашивать Василия, какие у него планы на будущее. Хватит, мол, сынок, повоевал, полетал в воздухе, пора и на землю вернуться.

Сначала он отмалчивался. Но зачем от родителей утаивать сокровенные мысли.

— Мечтал, дорогие родители, попасть в школу испытателей. Приняли меня, туда и поеду. Предлагали поработать в академии имени Жуковского, но я давно мечтал стать летчиком-испытателем и вот желание сбывается. Большего мне не надо…

— И умчался наш герой в школу. Порадовал сокол стариков своих и улетел, — говорит Полина Васильевна. — Тяжело было расставаться, словно опять на войну провожали, но пришлось.

— Служба дело государственное, поважней личного, — заключил Денис Афанасьевич.

7

При испытании самолета погиб капитан Луценко. О случившемся с молниеносной быстротой узнал весь летный состав. Только жена Василия все еще ждала мужа домой. Она вот-вот станет матерью и ей не говорили о случившемся, боясь за ее здоровье. Но сердце жены летчика-испытателя постоянно в тревоге. Она звонит в штаб, на аэродром, расспрашивает, почему Василий до сих пор не вернулся.

Когда нельзя уже было молчать, ей открыли страшную истину…

Через несколько дней у Луценко родился сын, и лучший боевой товарищ и друг Василия стал вторым отцом малыша.

* * *

Прах Героя Советского Союза Василия Луценко перевезли в Челябинск. Его с почестями похоронили, поставили памятник. С тех пор прошло 11 лет. Каждый год 9 мая на Митрофановском кладбище собирается многолюдный траурный митинг. На братскую могилу бережно возлагаются венки и цветы.

Пионеры и школьники до глубокой осени к памятнику Героя приносят живые цветы и подолгу не уходят домой. Они клянутся быть такими же храбрыми и скромными, каким был всегда их земляк Василий Денисович Луценко.

У САПУН-ГОРЫ

1. ПРОБА СИЛ

16-летний крестьянский паренек Иван, светловолосый и крутолобый, подался на курсы арматурщиков и с тех пор без устали строил, монтировал заводы Челябинска, ВТУЗ-городок Свердловска, строил Прокопьевск на Кемеровщине.

Широка душа молодого строителя, еще шире необъятные просторы родной земли.

В конце второй пятилетки возмужавший, повзрослевший Иван Глухов с пилой лесоруба оказался недалеко от Майкопа. Два года валил вековые деревья — нужны на великих стройках. Рубил суковатую поросль, чтоб подобраться к столетнему дубу,

покрытому морщинами поседевшей коры. Усталый, но довольный возвращался в барак, отстроенный такими же лесорубами, как и он.

И так год за годом.

— Где бы ни строить, что бы не возводить, — одинаково приятно, а главное надо, к этому зовет нас партия, — говорил своим товарищам Иван.

Труд — дело чести, доблести и геройства — какие это правдивые слова.

С годами у Глухова вырабатывалась настойчивость в труде. Он любил работать молча, без перекуров, часами и улыбался только вечером, когда на Доске показателей появлялась надпись:

«Глухов Ив. — норма выполнена на 170%».

Но и Северный Кавказ позади. Иван поехал на Карабашский завод. Здесь он решил осесть потверже. Уральская медь, давнишняя его знакомая, раньше как-то не увлекала его.

Обошел завод, присмотрелся к людям, заглянул в, поселки, спрятавшиеся за холмами.

— Папаша, а что такое Карабаш? — спросил Иван у почтенного по возрасту, неимоверно бойкого старика.

Вмиг оценив красиво сложенного, широкоплечего приезжего, старик сразу посерьезнел.

— Пошто интересуешься? Для дела или так?

— На работу хочу пойти, зовут дробильщиком руды, — просто сказал Иван.

— «Кара» по-башкирски — черная, «Баш» — голова. Черная голова значит, а што про што, это, однако, долго объяснять, — и старик пошел к заводскому пруду, прямой, как тополь.

Загляделся Иван на старика. Красиво идет, не гляди, что стар, на Лысую гору посмотрел, она звездастой вершиной упирается в небо. Иван полез на эту гору… Он тогда еще не знал, что недалеко и Золотая Гора, где и решится его судьба.

2. ГОРНЯКИ ИДУТ НА ВОЙНУ

Дробильщик руды — старинная профессия. Завода еще и в помине не было, а под Лысой горой, там, где сейчас огнем полыхает медеплавильный цех, где крикливая «кукушка» по-хозяйски снует день и ночь, полстолетия назад руду на лошадях возили и били ее кувалдой такие же вот простые парни, как Иван, по гривеннику за четырнадцатичасовой рабочий день.

Два года с лишним осваивал Глухов новую работу и стал

настоящим горняком.

Но вот разразилась война… Протяжно засвистели «кукушки», зашумели тревожные гудки, скликая на митинги рудокопов, бригадиров, инженеров и техников, комсомольцев и коммунистов.

Засверкали гневом глаза Ивана на невидимых врагов, и скоро вместе со многими Глухов ушел воевать.

— Я двенадцать лет строил. Строили наши отцы, — заявил Иван замполиту роты, куда его назначили стрелком. — Никому не дано порушить начатое дело. Пусть это знают любители до чужого.

Через несколько дней Иван Глухов встал в оборону Сталинграда.

Иван не был рожден для войны и ему очень трудно было привыкать, «обстреливаться», проходить «боевую обкатку», как шутили понюхавшие пороху бойцы.

У волжской твердыни проходил боевую выучку арматурщик, лесоруб и горняк Иван Глухов.

Смерть стояла рядом и днем и ночью. Смерть не разборчива, на войне особенно. Безусый юнец и славный рубака гражданской войны, прославленный генерал падают каждый на своем посту. Их некогда оплакивать. Вздрагивает земля от взрывов, рушатся стены горящего Сталинграда, но он не сдается.

Глухов снимает автомат и бьет по фашистским гадам вторые сутки, не смыкая глаз. «Стоять насмерть!» — гласит приказ. «Так будет!» — отвечает Иван Глухов.

Что говорить о трудностях, о лишениях. На войне их также много и они также неизбежны, как неизбежно за днем следует ночь. Глухов давно забыл, что такое улыбка, что такое нормальная еда и что такое человеческий отдых. Но когда 19 ноября всесокрушающей лавиной обрушились советские войска на фашистских захватчиков, а потом окружили отборные армии Гитлера, командир отделения Глухов впервые улыбнулся и сказал по-немецки: — Гут!

3. СОЛДАТСКИЕ БУДНИ

Солдатское счастье помогало сержанту Глухову уходить невредимым из множества боев, сражений и битв. Два года без устали, как когда-то на медеплавильном заводе дробил руду, бьет и дробит фашистскую погань отделение Ивана Глухова.

Чтоб легче и быстрее догонять отступающих врагов, сформировали лыжные батальоны, бригады. Глухов со своими

бойцами прошел на лыжах сотни километров. Лыжники появлялись, как снег на голову, там, где их совсем не ждали. Стрелок — это почетная профессия, а стрелок-лыжник — вдвойне.

Но однажды счастье изменило Ивану, и он в жестоком бою получил тяжелую рану. Товарищи вынесли командира из зоны огня и смерти, отправили в тыл.

В эвакогоспитале, недалеко от Волги, Иван заскучал.

— Прошу отправить в часть, — настаивал он перед лечащим пожилым врачом. — Я совершенно здоров.

— Мне лучше знать, — спокойно говорил врач и уходил к соседней койке. — Вы, наверное, думаете, больной: «Врачи самые отсталые люди и не знают, что любой здоровый воин нужен фронту, как свежий воздух усталому путнику».

— Я думаю о другом. Мои друзья скоро пойдут на Киев, потом на Берлин, а вы все со своей микстурой пристаете. Не выпишете, сам уйду.

Спор окончил заместитель начальника госпиталя по политчасти майор с суковатой палкой, хромавший на правую ногу.

Глухова выписали из госпиталя лишь в конце октября. Он с радостью поехал догонять своих.

4. У САПУН-ГОРЫ

Шли решающие бои под Севастополем. За два года пребывания на Крымской земле захватчики поправили старые и построили новые укрепления. Оборона гитлеровцев на севастопольском плацдарме состояла из трех полос железобетонных оборонительных сооружений, сочетавшихся с сильными естественными горными рубежами.

Самым мощным узлом сопротивления обороны являлась Сапун-Гора, на которой было построено шесть ярусов сплошных траншей глубиной от метра до двух, прикрытых минными полями и проволочными заграждениями в три-пять рядов.

Инженерные сооружения были усилены разнообразными огневыми средствами, располагавшимися как на открытых площадках, так и в долговременных сооружениях.

Гитлеровцы трубили на весь мир, что они отсидятся за тремя мощными оборонительными рубежами, однако они не учли, что дело имеют с Советской Армией, недооценили высокий моральный дух и мастерство солдат, сержантов, офицеров и генералов, имевших за плечами трехгодичный опыт войны.

5 мая после артиллерийской подготовки и бомбовых ударов

авиации, войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление на укрепления с северо-востока и с севера.

В течение двух дней боев советские воины, действуя в трудных условиях, прорвали две, а местами и три линии траншей противника. Пехота, преодолевая сильный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь врага, взбираясь по отрогам все выше, медленно продвигалась вперед.

…Взвод старшего сержанта Глухова наступал на самую вершину Сапун-Горы.

Много раз кидались в атаку мужественные воины вместе со своим командиром, но гитлеровцы косили пулеметным огнем из дзотов, и взвод все больше редел.

Глухов подал команду окапываться, а сам, набрав гранат, медленно пополз вперед. Изумленные храбростью своего командира, бойцы, окапываясь, вели огонь по амбразурам дзотов.

Рискуя каждую секунду жизнью, Иван полз и думал: «Только бы добраться, я бы их угостил мерзавцев, отомстил за погибших бойцов».

Желание во что бы то ни стало отнять у врага вершину горы и тем самым добиться решающего успеха, прибавляло ему сил, а об опасности он и не думал. Война приучила Глухова к хладнокровию, а настойчивости у него хоть отбавляй.

Подобравшись сбоку к первому дзоту, изрыгавшему пулеметный огонь, старший сержант приблизился к амбразуре и швырнул в нее связку гранат. Когда он прыгал в немецкую траншею, идущую к другому дзоту, он опять думал только о том, как поскорее добраться туда.

Иван мог встретить в траншее фашистов, и тогда неминуема смертельная схватка, но этого не произошло. Разделавшись со вторым и третьим дзотами точно так же, как и с первым, Глухов припал на минуту к земле, опаленной и изрытой воронками. Солдаты взвода без команды в полный рост ринулись в атаку и красный флаг возвестил штурмующим бойцам полка о захвате вершины Сапун-Горы.

К исходу дня 7 мая советские войска полностью овладели Сапун-Горой, прикрывающей путь к Севастополю, а 9 мая к вечеру Севастополь был полностью очищен от противника.

Вскоре Глухов Иван и бойцы его взвода были переведены на укомплектование в другую часть, убыли на другой фронт и след героя-южноуральца надолго затерялся.

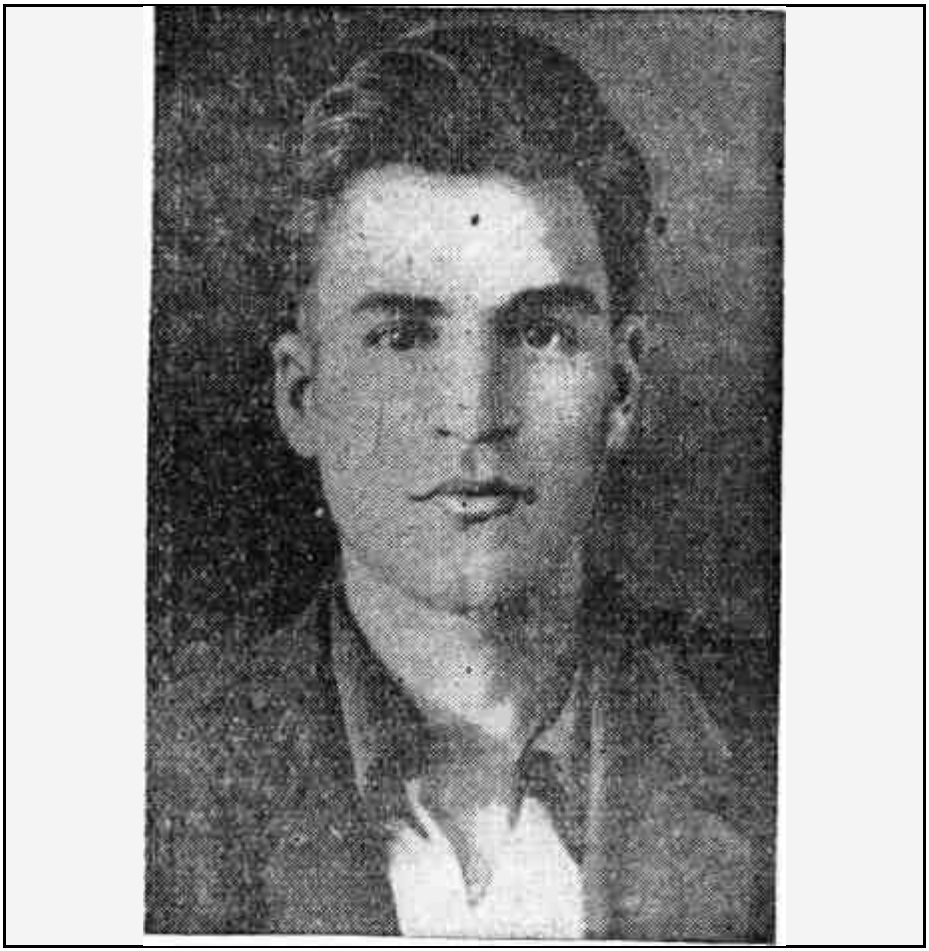
И только после войны Ивана Тихоновича все же нашли, вручили ему Золотую Звезду и орден Ленина. Подвиг скромного русского богатыря стал достоянием народа.

Глухов и поныне работает на Карабашском медеплавильном

заводе сменным мастером. Его знают и ценят, как передового производственника, коммуниста. Он является секретарем цеховой партийной организации.

Богатырские силы славного воина не иссякли. Он и в великих и малых делах — активный строитель величественного здания коммунизма. Иван Глухов по-прежнему на переднем крае борьбы. И он не одинок. Миллионы советских людей с великой верой в будущее строят коммунистическое общество, за которое бился, не жалея сил, наш знатный земляк Иван Тихонович Глухов.

УРАЛЬСКИЙ ПАРЕНЕК



1. УРАЛЬСКИМ ВЕТРОМ ОБМЫТ

В страдную пору в селе Тюбук родился у Сугоняевых мальчик. В семье уже были — старший сын Иван, дочка Катя, а новорожденного назвали Александром. Парнишка незаметно рос, никогда не болел, хорошо учился в школе и был одним из самых шустрых затейников детских игр и забав.

Мать нередко говорила: «Уральским ветром обмыт Шурка, потому его и хворь не берет».

Когда началась Великая Отечественная война Шура учился в 10 классе.

Старший брат Иван — офицер-танкист — служил в части, расположенной на Западной границе. Там его застала война. В первом же бою он был тяжело ранен и его направили в эвакогоспиталь.

Шурка с самых юных лет с большим уважением относился к старшему брату, любил его. И не раз он гордился перед товарищами: «Мой брат офицер, танкист, он все умеет». Узнав о ранении Ивана, Шура приехал в госпиталь. Он подолгу не отходил от постели самого близкого человека.

Иван рассказывал о первых боях, о зверствах фашистов. Каждое слово глубоко западало в молодое сердце школьника.

Пришло время расставаться. Александр как-то без колебания сказал брату:

— Пойду добровольцем в танковую часть. Быстро научусь водить танк, буду мстить за тебя. Как ты, Ваня, рассудишь?

Раненый кивнул головой. Юноша понял так: «Не робей, парень, действуй».

Александр вышел из палаты окрыленный. Ему уже казалось, что вопрос о поездке на фронт окончательно решен и на пути не встретится никаких препятствий…

Военкомат. Александра принял капитан.

— Что скажете, молодой человек?

— На фронт хочу поехать, — смело ответил Саша. — Мне ждать невозможно.

— Лет тебе еще мало, товарищ Сугоняев, — улыбаясь, ответил капитан. — Придется обождать.

— Не могу я ждать, — запальчиво ответил юноша и прижал правую руку к груди, где ярко выделялся комсомольский значок. — Мне скоро 18 лет, и я имею полное право служить в армии, как и все… Не пошлете, сам уйду.

— Ты не горячись, давай поговорим по душам, разберемся…

Александра направили в учебное подразделение танковой части. Со всей страстью взялся он за изучение военного дела. Армейская служба в тысячах больших и малых дел требует прежде всего беспрекословного выполнения уставов и наставлений. Александр хорошо это понимал и старался учиться отлично. Свой долг перед Родиной он ставил превыше всего.

Но в учебе были и промахи. Однажды на вождении Сугоняев не выполнил упражнения и получил замечание за то, что свалился в противотанковый ров… Танк плохо слушался неопытного водителя. Александр потел, краснел перед инструктором, а когда машина опрокинулась в ров, готов был заплакать от обиды на себя.

Вернувшись с танкодрома, молодой воин и совсем загрустил.

«Как же это я мог допустить такую промашку. Хорошо, что об этом не знает Иван, — вот бы он поиздевался надо мной».

С кем поделиться своим горем, как не с родными. И вот полетело на Южный Урал письмо.

> «Родные мои? Фронтовики рассказывают, как приходится действовать в бою, особенно механику-водителю. То, что здесь, на танкодроме, они говорят, это рай… Впереди серьезные упражнения, стрельбы, а вдруг я не выдержу?»

Сестра Катя ответила:

> «Держись, Шурка!»

Через месяц Катя получила ответное письмо. Александр написал:

> «Даю тебе, сестра, честное комсомольское слово — малодушия больше не будет».

Это было твердое слово.

2. БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Через год в составе танковой колонны «Свердловский колхозник» Александр Сугоняев вел по фронтовым дорогам, по бездорожью новенькую «тридцатьчетверку», сделанную уральскими мастерами-умельцами из уральского металла.

…Это было под Орлом. Прямо с марша, на предельной скорости Александр ворвался на передний край немецкой обороны. Стреляли со всех сторон: с земли и сверху. Танк вздрагивал при каждом выстреле своего орудия. Сугоняев пристально всматривался вперед, а там, на небольшой полоске, рвались снаряды и мины. Осколки металла барабанили о броню, а фонтаны поднимаемой снарядами земли то и дело закрывали обзор. Были моменты, когда Сугоняев вообще ничего не видел перед собой.

Экипаж расстрелял половину боевого комплекта, а Сугоняев по-прежнему то направляет машину на противотанковую пушку, то маневрирует, обходя минное поле. Позади уже осталась не одна линия вражеских траншей, а бой все разгорается и, кажется, не будет ему конца.

Но вот вражеский снаряд пробил бортовую броню. Машина

загорелась. Сбить пламя не удалось. Под огнем вражеских пулеметов и минометов экипажу пришлось покинуть горящий танк. Командир был тяжело ранен в обе ноги. Александр взвалил его на плечо и вынес к своим.

Для Александра Сугоняева это было первое боевое крещение, испытание его стойкости, умения в самых сложных условиях боя управлять танком.

В часы передышки Александр вспоминал первый бой, делал своеобразный анализ. Оказывается танки горят. Почему об этом он раньше не задумывался? В бою встречается много неожиданностей, и каждая грозит опасностью для жизни. Он задумался: не потому ли фашистский снаряд попал в борт танка, что где-то он, Сугоняев, допустил ошибку, не сумел сманеврировать?

3. МАСТЕР УЛИЧНОГО БОЯ

…Немцы отступали на широком фронте. Отходя, они упорно цеплялись за выгодные рубежи местности и нередко сами бросались в контратаки.

Улучив свободную минуту, Александр послал письмо родным:

> «Дорогие мои! В боях и маршах идем вперед, позади — Севск, Бахмач, Конотоп, Нежин и Чернигов. Я потерял уже три танка, потерял счет дням и остался опять «безлошадным». Мне горько писать об этом, но бой есть бой. Все же отрадно, что мы гоним проклятых гитлеровцев, а не стоим на месте. Ну, да ничего, «лошадь» скоро дадут».

В своем письме Александр не писал ни о награде, полученной им за первый бой, ни о спасении командира, ни о сожженных и подбитых танках врага, ни о десятках уничтоженных захватчиков. К тому времени о Сугоняеве заговорили в роте и в батальоне, как об отважном танкисте, мастере стремительных танковых атак. Командир роты говорил об этом бойце:

— Наш Сугоняев — мастер уличного боя.

В столице Белоруссии — Минске — уличные бои носили исключительно жестокий характер. Танк Александра шел впереди, принимая на себя огонь. Это способствовало тому, что удалось выявить вражеские огневые точки. Ловко маневрируя, механик-водитель Сугоняев блестяще справился с задачей. Он был неуязвимым. Александра наградили за этот бой орденом

Отечественной войны I степени.

Наши войска освободили Барановичи, Брест, позади осталась река Висла. Враг откатывался на Запад.

Танк Сугоняева рвал оборону под Радомом. На другой день жители Лодзи приветствовали советских воинов на улицах города. Часть, в которой служил Александр, двинулась к границам гитлеровской Германии.

> «Нахожусь в пределах Германии. Привет всем родным и знакомым. Долго не писал, некогда было. Чувствуют теперь враги, что настал их конец. Больше пока писать нечего». Так предельно кратко писал Александр на родину.

И в самом деле, времени у человека, занятого войной, было в обрез. У механика-водителя танка дел и забот всегда было по горло. Никто лучше механика не знает, что траки гусениц износились, рвутся при малейших разворотах, а запасных не успевают подвозить. Надо бы давно заняться профилактикой всей ходовой части машины, но сейчас не до этого.

4. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Советские части, выходили к побережью Балтики. Командование приказало — овладеть городом и крепостью Альтдамм.

Танковая часть, в которой служил Сугоняев, вклинилась в оборону противника и сокрушала ее всей мощью огня. Усилиями всех родов войск город и крепость Альтдамм захвачены. И в этом бою, как и раньше, Александр Сугоняев показал образец мужества и умения водить боевую машину в сложных условиях. Бой продолжался с неослабевающей силой. Наши войска прорывались к побережью, чтобы окончательно разгромить группировку врага.

Танк Сугоняева поистине творил чудеса. Он появлялся на самых опасных местах. Александр искусно уводил машину от прямых попаданий и в то же время раздавил-гусеницами несколько орудий и пулеметов противника. Но фашистам все-таки удалось остановить танк. Снарядом разорвало гусеницу, а вторым попаданием пробило броню. Экипаж мужественно продолжал драться, хотя все члены экипажа были ранены.

Все ближе наседают гитлеровцы, они хотят захватить танкистов в плен, сломить сопротивление горсточки храбрецов. Но раненые воины отбиваются и метким огнем обращают фашистов в бегство. Но вот кончились снаряды и патроны.

Фашисты как будто ждали этого момента и снова поползли к танку.

Сугоняев, взяв гранаты и автомат, вылез из танка и продолжал биться с противником до последнего патрона.

Он погиб в неравном бою, защищая честь, свободу и независимость своей Родины. Тогда ему еще не было и 22 лет.

5. ПОДВИГ НЕ ЗАБЫТ

Отгремели бои, но подвиг бесстрашных навечно остался в памяти.

Вот что писал товарищ Шверник матери героя:

> «Уважаемая Анна Сергеевна!
>
> По сообщению Военного командования Ваш сын — старшина Сугоняев Александр Константинович — в боях за Советскую Родину погиб смертью храбрых.
>
> За героический подвиг, совершенный Вашим сыном Александром в борьбе с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 27 февраля 1945 года присвоил ему высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза… подвиг… никогда не забудется нашим народом».

Именем героя в Карабаше названы: 6 начальная школа, где учился Шурик, и улица, где жил он до ухода в Советскую Армию.

Нет в городе человека, который бы не знал о своем знатном земляке Сугоняеве Александре.

ЗА ОДЕРОМ

1

Младшему лейтенанту Каскову долго не удавалось скрестить оружие с врагом, а «бить» условного противника в классе тактики и на учебных полях восточнее Москвы изрядно надоело.

Кавалерийские краснознаменные курсы имени С. М. Буденного находились в Москве, на которых учился младший лейтенант. Фронт Великой Отечественной войны совсем рядом, а Касков по-прежнему с остервенением рубит лозу, колет чучела, чистит коня.

Поэтому Леонид Касков и писем на родной кыштымский

завод, товарищам по цеху, долгое время не писал. Когда в декабре 1941 года от Москвы погнали фашистские орды, Каскову опять не пришлось участвовать в боях. А ведь враг был рядом. И только в конце следующего лета он влился в действующую армию.

Кавалерийский полк, где служил Касков, дрался с оккупантами на Украине. Бесконечные отступления измотали людей и лошадей, и Касков, попав в эти условия, глубоко переживал неудачи войны. Не будет же он, коммунист Касков, хвастаться, как эскадрон удирал на восток. И так зло накипало частенько в груди, а тут еще непролазная грязь на дорогах, разбитые мосты, нехватка фуража, продовольствия. И так каждый день.

2

Наши войска перешли в наступления на ряде фронтов. Уже мощной лавиной двинулись они с Орловско-Курской дуги.

— Теперь мы покажем фашистам кузькину мать, выжмем из нашей «техники» все, что она способна дать, — смеялся лейтенант Касков, поглаживая черную гриву своего коня.

Эскадрон двигался по непролазной грязи к Днепру, не отставая от танков.

Танкисты с хода форсировали Днепр, ворвались ночью в Киев и очистили столицу Украины от фашистских захватчиков.

Гвардейцы-конники вместе с другими войсками двинулись дальше на Запад. Кавдивизия сражалась бок о бок с прославленной пехотой. Вот когда сердце Леонида Каскова запело от боевого счастья.

Вдали от Киева Касков получил тяжелое ранение. Но недолго он находился в госпитале. На молодом теле и раны заживают быстрей. А полк за это время далеко ушагал — еле догнал.

3

Преследуя разбитые части гитлеровцев из района Ковеля, эскадрон Каскова с боями подходил к реке Буг.

— Даже забывать стали, как плоховато воевали в первые месяцы войны, — вспоминал Касков на привале. — Сил было вроде и немало, а взаимодействия родов войск не хватало.

— Зато теперь нас никто не остановит, — сверкнув зубами, весело сказал казак с вихрастым чубом, с забавной фамилией

Оторвирука.

— Фашистский гадина получит еще не один удар, — горячился, как всегда, туркмен Байрам Дурдыев, командир пулеметного расчета. — Только бы добраться до его берлога.

— А по-моему, его бить надо здесь, не отпускать до дому, — советовал Оторвирука, поглядывая на комэска.

По тому, как повернулся в его сторону командир эскадрона, по прищуру серых глаз, ординарец безошибочно определил: одобряет старший лейтенант высказанное предложение.

Ординарец неожиданно вспомнил, что точно так же однажды говорил командир. Он покраснел до ушей и пошел к коням, привязанным к дереву.

— Правилна, — сказал Байрам Дурдыев, не заметив смущения Оторвирука. — Када придем до берлога, все равно из врага шашлык делать будем.

Конники смеялись над байрамовым «шашлыком», весело покрикивая на коней, яростно сверкавших глазами и бивших копытом о землю.

Где-то совсем рядом бомбила фашистская авиация. Земля вздрагивала, лошади озирались по сторонам, фыркали.

Буг перешли сравнительно спокойно и понеслась конница по дорогам Польши. Гитлеровцы хотели оторваться от преследующих, перебраться за Вислу и там закрепиться на заранее укрепленных рубежах. Не вышло! Советские войска на плечах противника ворвались на западный берег реки. Так было под Варшавой, у м. Пулавы, так было и на Сандомирском плацдарме. На одном из них очутился и эскадрон Каскова. Лихость и отвага, хитрость и безумная храбрость, — все эти качества эскадрон не раз показал на полях сражений.

4

Кавалерийский корпус подходил к городу Грюмберг. Впереди капризная река Одер — последняя ставка гитлеровцев. Стянув к Одеру свое «тотальное» войско, мобилизовав всех, кто способен таскать автомат и фауст-патрон, Гитлер и Геббельс не перестают вопить по радио и в прессе, что стоит еще немного продержаться и час гибели ненавистным большевикам обеспечен.

На что надеялись эти фокусники с петлей в кармане, уму непостижимо?

Конечно, перешагнуть Одер не легко. Советские части с боями прошли более 500 километров. Гусеницы танков рвутся от износа металла. Измотаны кони у Каскова. Только нет износа

могучей солдатской душе.

…Большой привал…. Около комэска группа солдат.

— Не уйти фашистам от расплаты. Теперь уже скоро, друзья. Весна на земле и на сердце стало тепло, — поправляя портупею, говорит Касков.

— Зато у них житуха, как на плохом корабле. Тошнит, а бежать некуда, — всерьез говорит Байрам Дурдыев.

Бойцы смеются.

— Товарищи, впереди река Одер, — серьезно предупреждал комэск. — Надо иметь в виду — Одер одна из последних значительных преград.

Но кавалеристы уже всякое видели и теперь твердо верят в победу.

5

Комэска срочно вызвали в штаб дивизии.

— Сегодня ночью эскадрону ворваться с ходу на тот берег Одера, захватить плацдарм и удержать до подхода главных сил.

— Есть захватить плацдарм, — твердо повторил приказ старший лейтенант.

— Вам подчинены минометчики и подразделения малокалиберной артиллерии. Задача ясна? — спросил начальник штаба.

— Так точно!

— Действуйте скрытно. Желаю успеха.

Пришпорив коня, Леонид Александрович галопом возвращался к эскадрону. Его с нетерпением ждали бойцы и командиры взводов. Солдат не проведешь. Раз вызывали срочно — значит, важное дело.

Всю дорогу Касков прикидывал планы захвата вражеского берега.

«Ворваться на полном скаку через мост, можно потерять половину людей. Открыть минометный и артиллерийский огонь, подавить огневые точки противника — слишком шаблонно, гитлеровцы догадаются, что готовится атака. Переправиться вплавь выше или ниже моста. Рискованно. Ночь. Незнакомая река. Может быть ледяная корка, порежем лошадей. Нет, не годится и этот вариант.

Нужна тщательная разведка моста и реки. Задача дерзкая и решать ее надо немедленно.

Разведывательный разъезд ушел на рысях, чтобы оторваться от эскадрона и выиграть время для разведки реки.

…Подошли подразделения усиления. Эскадрон превратился в отряд. Темная ночь скрывала его, но двигаться надо быстро, а темнота мешает.

«Хорошо, если до реки не наткнемся на противника, — рассуждал командир эскадрона. — А если враг пропустит разведывательный разъезд и внезапно обрушится на отряд? Надо быть готовым к худшему», — думает Касков, еще и еще раз проверяет непосредственное охранение впереди и по бокам.

Чтобы противник не разгадал замысел, марш совершается малыми проселками. Это дальше чем по шоссе, но зато больше шансов сохранить тайну.

Как только тронулся отряд, Касков послал первое донесение и кроки маршрута. По этому же пути двинутся и главные силы дивизии.

…Отряд осторожно, в полной тишине продвигается вперед. Населенные пункты как вымерли. Ни одного огонька. Окна всюду закрыты ставнями.

Когда прошли первую деревню, Байрам Дурдыев шепотом сказал наводчику пулемета:

— Ни один собака не тявкнул. Значит, фашисты угнали население.

— Это даже к лучшему, — ответил наводчик.

Глубокая ночь. Многим хотелось спать. Даже Оторвирука, постоянный весельчак и балагур, заметно скис. Вчерашняя ночь тоже прошла в форсированном марше, а днем хотя и отдыхали в лесу, но костров не разводили. Было холодно и сыро и почти не удалось отдохнуть. Касков даже не помнит, когда и где он спал последний раз.

Сейчас он с нетерпением ждал очередных донесений от разведчиков.

«Противник не обнаружен. Двигаюсь дальше. Орел».

Касков подробно расспрашивал связного, доставившего донесение и отпустил его только тогда, когда уточнил мельчайшие подробности.

Ночь казалась бесконечной. Сделали малый привал и снова вперед.

Где-то справа бухают пушки. Слева неровным пунктиром то и дело загораются ракеты и, покачиваясь, медленно опускаются к земле. «Очевидно, фашистская авиация следит за шоссе, — подумал Касков. — Хорошо, что мы не пошли там».

…Начальник разъезда Орел доносил:

«Нахожусь в полукилометре от реки. Подступы к

мосту освещаются ракетами. Веду наблюдение».

Спешив эскадрон, Касков отправился с командирами на рекогносцировку. Личная разведка перед наступлением дает всегда больше, чем самое подробное донесение.

До рассвета оставалось полтора — два часа.

Старший лейтенант объявил боевой приказ:

— Подползти с трех сторон к сторожевому охранению. Одновременно броситься в атаку, без выстрела, порубить неприятеля и без промедления захватывать тот берег.

…Командиры послали связных за подразделениями.

Оставив лошадей и повозки, эскадрон ползком продвигался к мосту.

Когда загорались ракеты и пойма Одера освещалась довольно ярко, живые бугорки в маскхалатах сливались с землей. Бойцы переводили дух, чтобы снова ползти, как только погаснут последние искры.

Зловещая тишина успокоила Каскова. «Бой потребует 10—15 минут. Только бы захватить врасплох», — думал он.

Впереди заметно выделяются траншеи. Молча кинулись гвардейцы к окопам врага.

Солдаты противника спали в блиндажах и землянках, а часовые и наблюдатели дремали, ежась от сырости и холода.

И все же тревожный выстрел разрезал ночную тишину. Через 10 минут охрана моста была снята. Фашистский телефон оборван. Пулеметы фашистов в руках огневого расчета Байрама Дурдыева. Гитлеровские солдаты в страхе бегут вдоль реки.

Кавалеристы мчатся по мосту на западный берег. Надо спешить. Теперь промедление смерти подобно.

Эскадрон захватил небольшую железнодорожную станцию и стык шоссе с железной дорогой — опорный пункт обороны.

Паника врага нарастала. Растерявшиеся гитлеровцы позорно бежали от горстки храбрецов. Лишь через час, открыв бешеный огонь, противник пошел в контратаку, но было уже поздно. Плацдарм захвачен и теперь только через трупы можно прорваться к мосту.

Каскову доложили: на станции два эшелона с боеприпасами. Один с «фауст-патронами».

— Прекрасно, — крикнул комэск, — пригодятся, а пока охранять как положено.

* * *

С рассветом гитлеровцы повели организованное наступление и шесть раз в течение дня бросались на конников, но каждый раз откатывались назад.

Двое суток эскадрон отчаянно боролся с превосходящими силами врага. Все виды огня обрушены на плацдарм: артиллерии, минометов, авиации, но кавалеристы, минометчики и артиллеристы не собираются бросать политые кровью траншеи. Раненые не покидают окопы, дерутся до последнего патрона.

Когда кончились боеприпасы, пустили в ход трофейные «фауст-патроны». Здорово пригодились.

Подошли главные силы и плацдарм расширился. Второй эскадрон отвели во второй эшелон. Перевязали раненых, похоронили погибших. Посчитали трофеи.

Славные итоги донесли по команде, и скоро бой за Одерский плацдарм стал достоянием всей армии.

Шести воинам эскадрона, в том числе Каскову и Байраму Дурдыеву Президиум Верховного Совета присвоил звание Героев Советского Союза.

* * *

С тех пор прошло немало лет. Леонид Александрович снова работает в Кыштыме. На механическом заводе хорошо знают старшего сменного мастера Каскова. Он депутат городского Совета. Его труд на заводе отмечен многими почетными грамотами. Сейчас Леонид Александрович работает механиком на стройке.

Когда будете в Кыштыме, зайдите в дом № 26 по улице Мамина-Сибиряка к Леониду Александровичу. Вас встретят радушно мать героя, жена и дети. Леонид Александрович снимет со стенки и покажет вам фронтовую фотографию, на которой запечатлены он и Байрам Дурдыев.

— Настоящий воин. Прекрасный товарищ. Переписываемся по сей день, — говорит Леонид Александрович о Дурдыеве.

Байрам Дурдыев председатель колхоза имени Жданова Ашхабадской области, депутат Верховного Совета СССР.

Славный сын Урала Леонид Касков и верный сын туркменского народа Байрам Дурдыев вместе сражались за любимое социалистическое Отечество, а теперь они трудятся во имя победы коммунизма.

ГЕНЕРАЛ В. АРХИПОВ

1

— Был батраком, а теперь генералом стал, — сказал я своему собеседнику полковнику в отставке Петрову.

Петров, помедлив, заметил на мои слова:

— Из бывших батраков и академики и министры есть. А о ком ты, собственно, говоришь?

— О генерал-лейтенанте Василии Сергеевиче Архипове, дважды Герое Советского Союза. Знаешь такого? Он родом из села Губернское Челябинской области.

— Ты бы с этого и начинал. Я искренне уважаю героев, людей богатырского духа, — сдался полковник. — Выкладывай, кто

такой.

И я рассказал все, что знал об Архипове.

* * *

Когда подошел срок, Василия Архипова призвали в армию. В то время в стране началась грандиозная стройка по плану первой пятилетки.

Физически крепкий, широкоплечий, светловолосый, среднего роста паренек пошел в танковые части. Да так и остался в них на всю жизнь.

2

Во время войны с Финляндией Архипов командовал танковой ротой.

…Василия позвали к командиру.

— Враги считают линию Маннергейма неприступной, а как вы считаете?

— Не проверял, — усмехнувшись, ответил Архипов.

— Проверить поручается вам.

— Есть проверить.

Старший лейтенант Архипов, получив боевой приказ, вернулся в свое подразделение. Он стал изучать карту. Потом, оторвавшись от карты, командир роты стал взвешивать свои силы. В роте мало обстрелянных людей, все молодежь. Но эта молодежь рвется в бой.

Танкисты выстроились на поляне. Старший лейтенант Архипов отдает приказ, но он больше похож на задушевную беседу.

— Не легкое дело поручили нам. Может, кому и жизнь потерять придется. Но, не об этом речь… Прорваться в глубину обороны мы обязаны во что бы то ни стало. И мы прорвемся…

Заметно волнуясь, Архипов так закончил свой приказ:

— За нами, товарищи, город Ленина, вся Россия. Я думаю, это вам понятно.

Десятки пар глаз устремлены на своего командира. Он сейчас поведет их в бой и они пойдут за ним в огонь и в воду.

— По машинам! — резко крикнул комроты и, поправив шлем, проворно полез в башню танка.

Моторы взревели и сосновый лес огласился шумом… Рота выходила на исходную позицию для атаки.

3

Финны, очевидно, не ждали внезапной атаки и не сразу открыли огонь. Когда уже танки подходили к железобетонным укрытиям, последовали выстрелы пушек.

— Бить по амбразурам! — скомандовал Архипов.

Бой разгорался с невероятной быстротой. Однако лобовая атака не увенчалась успехом, один танк загорелся и его еле удалось спасти.

«В лоб не пробиться, — решил старший лейтенант, — надо менять тактику». Применив неожиданный маневр, рота ворвалась в глубину обороны далеко на фланге.

Навстречу советским танкам вышли финские, как из-под земли выросла пехота, и снова началась ожесточенная схватка. Рота советских танков медленно движется вперед, но ей грозит опасность полного окружения: она слишком далеко оторвалась от своих.

Несколько часов идет упорная борьба. Василий давно уже встал к орудию, он меньше всего думает сейчас об окружении и, выбирая цели, один за другим подбивает три вражеских танка. Расчищая путь роте, в отчаянном поединке Архипов уничтожает четвертый танк врага.

Но финны наседают со всех сторон. Люки нельзя открыть даже на секунду. Невидимые «кукушки» снимают смертельным огнем каждого, кто допустит малейшую оплошность. Вот загорелся танк в третьем взводе. Это увидел Архипов и он направляет свою машину на подмогу. Отважно дерутся танкисты, но боеприпасы подходят к концу. Теперь вся надежда на броню и гусеницы.

Ценою невероятного напряжения, потеряв два танка, рота вырвалась, наконец, с поля боя. Она подбила свыше десяти танков врага.

Линию Маннергейма Архипов со своими бойцами тщательно проверил. Приказ командира был выполнен.

4

В Великую Отечественную войну танковая бригада Василия Сергеевича начала боевой путь под Сталинградом. Пожалуй, не было там ни одного значительного танкового боя, в котором бы не участвовали архиповские танкисты.

Солдатский вестник разнес молву о герое-полковнике: «В воде не тонет и на огне не горит». Архипов и в самом деле не раз

тонул, не раз горел, но всякий раз оставался жив и невредим. Правда, под Сталинградом был такой случай. Однажды Архипова тяжело контузило. Придя в сознание, он открыл удивленные глаза и спросил: «Который час?» Потом встал, намереваясь открыть люк башни.

— Товарищ полковник, подождите открывать. Идет третья фашистская атака, — сказал наводчик орудия и произвел очередной выстрел по вражескому танку.

— Молодец, — крикнул Архипов, и снова взял управление боем на себя.

Упорные, затяжные бои под Сталинградом многому научили Василия Сергеевича. Да разве только его!

Гитлеровцы ошалело лезли к Волге, теряя тысячами солдат и офицеров. Но были потери и в советских частях. Врагам иногда удавалось приблизиться к реке, но тут каждый камень, каждая воронка таила смерть для них. Фашистов отгоняли. Танки бригады, закопанные в землю, превратились в непреодолимые бастионы.

— За Волгой нам нет земли! — говорили гвардейцы и дрались, не щадя своей жизни.

Все чаще в приказах Верховного командования называется бригада Архипова, стойко оборонявшая Сталинград.

…Сталинградская битва закончилась великой победой советских войск. Гвардейские танки понесли на своей броне отряды автоматчиков и бронебойщиков, устремленных на Запад. Боевая трасса бригады, ломавшей оборону противника, легла через реки Донбасса и Запорожья, через Киев и Житомир, Бердичев и Тарнополь, прошла по улицам Львова и вышла к Висле. И каждый день продвижения вперед — это целая повесть о героизме советских людей.

5

Архипов только что вернулся от командарма. Его встретил начальник штаба. Завязалась беседа.

— Конечно, очень хорошо, что советская земля позади, — говорил полковник Архипов, — но мы еще далеко не все сделали. Я согласен, что следовало бы и отдых дать людям, они его заслужили, заработали потом и кровью, и машинам дать ремонт. А кто же будет освобождать братскую Польшу? Не можем же мы действовать по принципу: «штыки в землю».

Архипов несколько горячился. Ему не нравился весь этот разговор с начальником штаба, которого он уважал за его

уравновешенный тон, за спокойный характер и глубокие знания, так нужные любому военачальнику, но еле терпел его настойчивые доклады о необходимости передышек и пауз.

Желая прекратить затянувшийся разговор, полковник спросил начальника штаба.

— Как предлагаете, брать Сандомирский плацдарм?

— Какое нам дают время на подготовку? — спросил тот в свою очередь.

— С ходу приказано форсировать Вислу, с ходу, дорогой мой, — и Архипов посмотрел на бледное, заросшее темной щетиной лицо подполковника.

Задача была действительно трудной. Нужен дерзкий скачок, собранность всех сил. Глубокая морщина в переносье еще резче обозначилась на лице Архипова. И вспомнил в эту минуту Василий Сергеевич, как бригада форсировала Днепр. Прямо с ходу. Но то было на родной земле. Там все помогало советским воинам…

— Неприятель уполз за Вислу в надежде отсидеться за долговременной обороной, — спокойно докладывал начальник штаба. — Наша задача сложна и тем интересна. Василий Сергеевич, разрешите мне отправиться с первым эшелоном для захвата и удержания плацдарма?

— Ну вот, вы всегда так. Сами вперед, а я за вас буду командовать тылом. Схема прежняя. Я поехал к первому батальону. Пришлите туда же нашего разведчика и инженера, — и Архипов крепко пожал руку начальнику штаба.

…Темная ночь окутала берега. Артиллерия без умолку грохочет на соседнем участке, а здесь тихо, до жуткости тихо.

Небольшой отряд танков, пехоты и артиллерии спустился к самой реке. Архиповский танк уже на пароме. Спокойствие командира, неторопливые указания взять как можно больше боеприпасов и взрывчатки, а картошку, мол, и там найдем, — вселяют уверенность в успех боевой операции.

Отряд на самодельных плотах, на паромах и лодках медленно поплыл к вражескому берегу.

«Только бы зацепиться, а там уж дело пойдет», — думает полковник. Об этом же он сказал офицерам отряда, а те донесли его слова до всех бойцов.

Гитлеровцы заметили плывущий десант слишком поздно и открыли беспорядочный огонь из орудий и минометов.

— Пока не страшно, — думает Архипов. — Пулеметы — вот что может помешать нам в последнюю минуту.

Автоматчики уже выскочили на берег и взбираются по круче наверх. Бок о бок с пехотой и автоматчиками ползут неудержимо

танки. Они уже вырвались вперед.

6

Заградительный огонь противника не мог остановить наступающий десант. Фашисты много раз бросались в атаки, но сбить советских воинов им так и не удалось.

Захватив плацдарм, первый эшелон перешел к обороне.

— Окапываться! Маскировать танки и артиллерию, — требовал полковник, переходя от экипажа к экипажу. — Спать будем послезавтра, — подбадривал Архипов.

Часа через два справа донесся гул моторов, а вскоре был услышан лязг гусениц. «Подтягивают танки», — подумал полковник.

Утром фашистская танковая дивизия яростно атаковала десант. Загорели гитлеровские танки: один… второй… третий. Черный дым спиралью уходит вверх и его относит слабый ветерок в сторону врага.

— Пусть понюхает фриц, как жареным пахнет, — смеется Архипов, а с ним и бойцы экипажа.

С большим трудом отбили атаку врага. Через час фашисты снова пошли в атаку, но столкнуть десант в воду так и не смогли. На Сандомирский плацдарм могучей волной пошли главные силы бригады.

Несколько суток подряд шли кровопролитные бои. Фашисты подтягивали силы, но и наших войск все больше скапливалось на плацдарме.

Были критические моменты. Вот к паромным причалам прорвались «тигры». Казалось, что они раздавят наших бронебойщиков, грудью вставших на их пути. Архипов помчался на своем танке в гущу боя. 300—200—100 метров оставалось до берега, когда последний «тигр» запылал. Навстречу «тиграм» со связками гранат бежали наши автоматчики, а с переправы и от причалов к «тиграм» устремились танки «Т-34». Ни один из вражеских танков не ушел от берегов Вислы.

Славно дрались гвардейцы Архипова.

Вскоре на Сандомирский плацдарм подошли и другие советские войска. Плацдарм был расширен и он послужил новым трамплином для прыжка советских войск к границам фашистской Германии.

7

Шел январь 1945 года. Испытанная в боях бригада Архипова, теперь уже генерала, несколько раз ставилась в авангард для ввода в глубокий прорыв.

Поступил приказ — с ходу форсировать реки Просна и Одер.

…Когда бригада начала переправляться через Одер, гитлеровцы открыли шлюзы канала этой реки. Водный поток срывал причалы и мосты. Положение усложнилось тем, что фашистский снаряд угодил прямо в мост. Генерал Архипов лично руководил переправой. Саперы и танкисты по грудь в ледяной воде, под яростным огнем врага восстанавливали переправу и гвардейские танки устремлялись вперед. Захватив западный берег, советские танкисты развернули наступление, и упорная схватка закончилась их победой.

* * *

Война подходила к концу. В марте 1945 года бригада ворвалась в глубь Силезии. Советские армии широким фронтом рвали последние укрепленные рубежи вокруг Берлина и каждый солдат твердо знал: победа близка.

…Опустевшее село. Маленькая речушка с изорванным мостом. Разбитая снарядами мельница с огромной дырой на крыше. С разорванными стволами орудий стоят «тигры» и «пантеры», сожженные и разбитые, подернутые ржавым налетом. Какие это жалкие остатки «непобедимых» горе-завоевателей. Кто-то из гвардейцев Архипова на одном из поверженных танков вывел мелом: «Собаке собачья смерть!»

* * *

Много лет прошло с тех пор. Гвардейцы Архипова, пронеся от берегов великой русской реки до Эльбы непобедимое знамя советской воинской славы, давно возвратились домой.

Пройдут столетия, а ратные подвиги гвардейцев славного уральского воина, дважды Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта Архипова не сотрутся в памяти.

Сейчас Василий Сергеевич в расцвете своих сил. Все свои знания и богатый опыт он отдает воспитанию советских воинов — мужественных, бесстрашных, непобедимых.

Бронзовый бюст Героя Советского Союза В. Архипова установлен в с. Губернское Аргаяшского района.

ЧУДО-БОГАТЫРИ

1

Четвертый месяц идет война. Немецко-фашистские войска продвигаются к сердцу нашей Родины — Москве. Под Гжатском развернулись упорные сражения. Подмосковные земли обильно политы кровью лучших сынов России.

Почти два месяца танкисты не уходят с передовой, они храбро защищают родную землю. Когда танк сгорал или выходил из строя, с автоматом и «карманной артиллерией», презирая смерть, в пешем строю бросались воины-танкисты на врага.

…40 немецких танков, поддержанные артиллерией и

авиацией, настойчиво штурмуют боевой порядок танкового батальона, в котором сражается молодой лейтенант, комсомолец из Аши — Николай Изюмов.

В бою танк Изюмова находился недалеко от танка командира батальона майора Митрошенко. Николаю казалось, что майор специально не отрывается от его танка «подсматривает» за новичком, неискушенным еще в боях. Но что это? Комбат быстро покидает свою машину, переходит в другую. Вот он показывает флажком: «В атаку!» Батальон с новой силой ринулся на врага. Бой разгорается. Танк Николая оказался в самой гуще сражения, вокруг его танка пять немецких.

Николай отчетливо представил себе, в каком тяжелом положении он оказался. «Что делать?» Вывод пришел сам по себе: «Конечно, надо драться и победить». Изюмов подбил два вражеских танка, вывел свою машину из окружения. Но в тот момент, когда казалось, что исход боя был предрешен, фашисты подбили танк Николая. Раненный в голову и руку, лейтенант пересел на ближайший танк и продолжал наносить удары по врагу. Это было 11 октября 1941 года.

Бои следовали один за другим. В упорных схватках с превосходящими силами врага двадцатилетний командир взвода Николай Изюмов закалялся, приобретал опыт, мастерство. Отбивая по шесть — восемь и более атак в день, потеряв счет своих контратак, Николай Изюмов забывал о еде и отдыхе.

После одного боя лейтенанта Изюмова приняли в ряды Коммунистической партии.

2

Худощавый, высокого роста, немного застенчивый и угрюмый на вид старший лейтенант Изюмов пользовался большим авторитетом в части. Все считали его хорошим строевиком и толковым офицером. Таким он и был на самом деле. Невзгоды и лишения войны еще более закалили его характер. Он был не только требовательным к подчиненным, но в то же время и заботливым командиром. Непримиримо относился к людям безынициативным, беспечным.

— Грош тебе цена, если ты только и знаешь, что ждешь указаний свыше, — не раз подчеркивал Изюмов в беседе со своими подчиненными.

…Осенью 1943 года танковая бригада получила наименование Гвардейской. Ратные дела первого батальона, которым командовал теперь уже гвардии капитан Изюмов, были

отмечены правительственными наградами. Многие бойцы получили ордена и медали, а на груди Изюмова появился второй орден Отечественной войны I степени.

— Неутомимый труженик войны, — так звали гвардии капитана друзья.

В боях и походах прошло еще полгода. В мае 1944 года танковая бригада начала готовиться к летнему наступлению. Предстояло освободить Белоруссию.

Учения сменялись боевыми стрельбами, стрельбы — ночными маршами. Капитан Изюмов в эти дни проявлял особенную заботу о боевой готовности батальона. Дни и ночи он учил воинов мастерству побеждать.

25 июня в районе Паричи передовой отряд механизированного корпуса — 16-я Гвардейская Речицкая танковая бригада вошла в прорыв. В течение суток первый батальон неудержимо идет в головном отряде.

…Раннее утро. Изюмов наскоро позавтракал из солдатского котелка. Вокруг него собрались командиры рот. Заместитель командира батальона по политической части капитан Воинов читает сводку информбюро.

Время дорого, каждая минута на счету. Гвардии капитан Изюмов проворно поднялся, смахнул с комбинезона прилипшую пыль. Он оглядел собравшихся и решительно заявил:

— Будем сейчас брать станцию Черные Броды.

Командиры переглянулись. Они еще ничего не знали о планах комбата, да и противник пока не проявлял активности. Но все чувствовали, что решение командира — единственно правильное.

Во главе первой танковой роты Изюмов стремительно ворвался на станцию. Фашистские зенитчики занимались утренней гимнастикой. Поднятые вверх руки замерли в воздухе. Искаженные от страха лица вражеских солдат выражали смертельный испуг. Тем временем танкисты батальона без выстрела заняли Черные Броды и по-хозяйски распоряжались пленными и трофеями…

Батальон Изюмова стремительно продвигался к Бобруйску.

3

Батальону Изюмова дан приказ: перерезать железную дорогу Бобруйск — Минск и обе шоссейные дороги Бобруйск — Слуцк, Бобруйск — Минск, овладеть деревней Сычково и выйти к реке Березина, захватить переправу и удерживать ее до подхода

главных сил.

Перехватив шоссейные и железную дороги, батальон выходил к переправе у населенного пункта Ш.

Как только изюмовские танки показались на опушке леса, немецкая артиллерия, танки к пулеметы открыли сильный заградительный огонь. Ответным огнем один фашистский танк был подожжен, а четыре других отошли за укрытие. Скоро прекратился и артиллерийский огонь врага.

Немцы так поспешно бросили переправу, что не успели ее подорвать. Капитан понимал, что надо во что бы то ни стало удержать переправу в своих руках. К ней спешат части фронта, чтобы замкнуть здесь окончательно Бобруйскую группировку врага. К переправе вели дороги еще не занятые советскими частями и можно было в любую минуту ожидать внезапного появления отступающих фашистских войск.

Командир батальона поручил командиру роты капитану Бадаеву не допустить к переправе ни одного фашистского солдата, защищать подступы к реке на восточном берегу, закрыть огнем дороги, а сам с остальными танками стал патрулировать подступы к переправе с запада.

Вскоре, однако, немецкая артиллерия открыла интенсивный огонь по переправе и по дорогам, где патрулировали танки во главе с Изюмовым. Капитан Изюмов организовал систематический и довольно меткий огонь, отвечая короткими огневыми налетами, все время меняя положение своих танков. Немцам не удалось нанести большой вред огнем, а для контратаки танкового батальона Изюмова, по-видимому, сил не хватало.

К вечеру к Березине подошли главные силы наших войск, в том числе пехота, совершившая походным порядком около 80 километров. Таким образом батальон Изюмова полностью выполнил поставленную перед ним задачу.

Завтра — на Минск.

4

К рассвету обстановка резко изменилась. Стало известно, что фашистские войска из района Бобруйска бегут по шоссе и по полям в направлении Минска, прикрывая отход значительным количеством танков и артиллерийским огнем.

Бригаде приказано закрыть фашистам путь к отступлению, уничтожить бегущие гитлеровские части.

Первый батальон быстро изготовился к бою на новом рубеже,

поджидал врага. Было около 6 часов утра. Солнце осветило поля. Стало отчетливо видно, как идут густые цепи вражеских солдат, за ними по три — четыре в ряд по шоссе шли автомашины, по полю медленно двигались «тигры».

Отчаянно лезут гитлеровцы. Вражеские автоматчики пытаются просочиться между танками батальона Изюмова, но меткий пулеметный огонь мешает им сделать задуманное.

К первому батальону подошел второй и с ходу вступил в бой. Жестокая схватка на ржаном поле продолжается несколько часов. Немецкие танки подходят вплотную и огнем с близких дистанций хотят решить судьбу боя в свою пользу. Но это им не удается. На поле горит не только хлеб, но и подбитые танки врага. Несут потери и советские воины.

Противнику не удалось прорваться, и он отхлынул назад. Мощный шквал артиллерийского огня по танкам бригады возвестил о подготовке новой атаки гитлеровских войск. В это время один вражеский снаряд угодил в танк командира первого батальона. Капитан Изюмов ранен, но он продолжает руководить боем…

Вторым снарядом в танк Николаю Андреевичу оторвало обе ноги и выбило глаз. Командир батальона, истекая кровью, скончался.

Бой продолжался с прежним упорством…

Рискуя своей жизнью, воины вынесли тело любимого командира из зоны огня и, когда стих бой, похоронили его на южной окраине деревни Боярино, в 15 километрах от Бобруйска.

* * *

Так закончил боевой путь наш славный земляк — Николай Андреевич Изюмов. Правительство высоко оценило подвиг южноуральца-танкиста, присвоив ему посмертно звание Героя Советского Союза. Имя Изюмова навечно занесено в историю танковой части, в которой он доблестно сражался за Родину, за советский народ.

Мать героя — Клавдия Михайловна Изюмова живет в городе Аше. Несмотря на преклонный возраст, она продолжает трудиться. Клавдия Михайловна горда тем, что ее сын Николай не забыт земляками и однополчанами, а защита Советского государства находится в надежных руках.

В Челябинском краеведческом музее выставлен портрет героя. Энергичное молодое лицо Николая Изюмова опалено военными бурями. Две золотые ленточки на груди с красной

каемкой напоминают о двух тяжелых и двух легких ранениях. 23-летний юноша смотрит на вас умными глазами и словно хочет сказать: «Жизнь прекрасна, и смерть бессильна остановить наш путь к победе и славе».

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

1

20 июня самолет гражданского воздушного флота взял курс на Ашхабад. На борту самолета — восемь пассажиров. Самолет вел высокий, худощавый пилот Южилин Александр Григорьевич — летчик высокого класса.

Неисправность в моторе вынудила продлить остановку на одном из аэродромов на четыре часа.

— Товарищ пилот! Скоро мы будем в Баку? — спрашивала одна из пассажирок.

— Скоро, очень скоро.

Сделав круг над аэродромом, пилот повел машину на посадку, а через полчаса снова взмыл в воздух. Серебряная гладь Каспийского моря не скоро исчезла под крылом.

2

На следующий день пассажирский экспресс приземлился в Ашхабаде. Вскоре экипаж отправился на отдых в санаторий, который находился недалеко от аэродрома. Обычный субботний вечер был заполнен до отказа.

Утром Александр Григорьевич и борт техник отправились к знакомой пожилой женщине, которую они называли просто Степановна. Здесь всегда можно полакомиться фруктами в саду.

Степановна встретила их побледневшей. Дрожащим голосом она произнесла:

— Слыхали? Война с немцами.

— Не может быть, — ответили оба.

— Сын слушал радио из Москвы. Напали фашисты и бомбят города. Что-то будет теперь, — охала Степановна, — что-то будет?

Летчики побежали к санаторию.

…Южилина вызывали в управление гражданского воздушного флота.

— Вам телеграмма из Москвы. «Самолет задержать и немедленно выехать в свою часть», — взволнованно сообщил дежурный.

Получив документы, Александр поехал на вокзал. Но поезд только что ушел, а следующий — через двое суток. Как быть?

Расстроенный Южилин вернулся в санаторий и позвонил в управление.

— Почему не разрешают лететь? — спрашивал он. — Запросите немедленно…

Наступила ночь полная раздумий, догадок и настоящего человеческого беспокойства…

Дежурный диспетчер позвонил глухой ночью. Александр схватил трубку.

— Срочно вылетайте в Москву, — коротко сказал диспетчер.

Солнце еще не взошло. Прохлада с недалеких гор бодрила. Поспешно, но, как всегда, тщательно опробовали моторы. Все готово к взлету. Сигнал и самолет оторвался от взлетной дорожки.

…Посадки в Баку, Сталинграде для заправки и осмотра, отметки документов происходили по давно сложившимся

правилам. Но Южилин и его спутники видели, как война встревожила и торопила всех.

Воздушный корабль подлетает к Москве. С высоты отчетливо видно, как на дорогах передвигаются войска. Всюду устанавливаются зенитные батареи. Штурман докладывает Южилину: «Впереди большая облачность».

— Пробьемся, — отвечает пилот.

Погода резко изменилась. Облака надвигались с запада, накрапывал дождь. Радист установил связь, но сигнал запрещал посадку.

Молчавший всю дорогу Южилин мрачно бросил:

— Не поняли сигнала! Будем садиться…

Южилин благополучно посадил машину, без промедления побежав в штаб.

3

Южилину вручили документы, приказано направиться в Курск. Он поспешил на вокзал. Еле втиснувшись в переполненный пассажирский вагон, Александр ощутил, что он и его спутники с этой минуты полностью во власти войны.

Ночью проехали Орел.

Гитлеровцы бомбили этот город накануне. Пассажиры узнали об этом от проводников. Многие, озираясь, ждали нового налета, нервничали.

Южилин с нетерпением поглядывал на часы. Отправления на Курск все еще не давали. «Полк наверняка перебазировался ближе к фронту, но где проходит фронтовая линия?» — думал Александр.

Ехали с погашенными огнями. От этого становилось еще грустнее. В вагонах очень душно. Разговоры велись полушепотом. Что-то ждет впереди?

В Курске Южилин буквально на ходу выскочил из вагона и через несколько минут был дома.

Софья Григорьевна — жена и большой друг — с нетерпением ждала его, обрадовалась, но встать не могла. Маленький Валерик крепко спал, не слышал, как вошел отец. Александр Григорьевич обнял супругу и черные глаза Сони обволоклись туманной пеленой радости и слез. Она с минуты на минуту ждала родов.

…Александру вспомнилось, как совсем еще, недавно он учился в Саратовском аэроклубе, а Софья Григорьевна учила его летному искусству — она была летчиком-инструктором…

Схватки начались очень скоро, и Софья забилась на кровати,

забыв обо всем на свете.

— Соня, может, потерпишь до утра? — взмолился Александр.

— Дурной ты, дурной, — еле выговорила Софья Григорьевна, намереваясь встать.

Вместе с соседкой Южилин отвел Соню в районную больницу и через три часа у них появился на свет второй сын.

Вернувшись домой, Александр еле успокоил расплакавшегося Валерика и, передав его на попечение соседки, поспешил к поезду. Южилин оставил записку Соне:

> «Назови сына Александром. Если погибну, останется память».

В Брянске стояли долго. Паровозные гудки и воющие сирены оповещали о новом налете вражеской авиации. В ярко-оранжевом закате, поблескивая крыльями, неслись к станции фашистские стервятники. Зенитчики не пропустили противника. Сбросив бомбы на окраинах города, гитлеровцы трусливо повернули назад.

Прошла еще ночь… Выйдя из вагона на станции С., Южилин к своему удивлению увидел сошедшего за ним лейтенанта Волкотруба Виктора.

— Здорово, — кричит Александр и радостно жмет товарищу руку. — Откуда ты свалился?

— Из Курска.

— И я там садился. Вот так история — ехали в одном вагоне и не встретились.

Пилоты уверенной походкой пошли к аэродрому. Вот уже и городок виден. Размахивая чемоданами и неся на руке летное обмундирование, летчики спешили в свою часть. Подходя к служебному зданию, увидели полковника Юханова.

— Здравствуйте, друзья, — приветствовал полковник. — Очень хорошо, что прибыли. Собираются птенцы в свое гнездышко. Как, Южилин, полетал в гражданском флоте, чему научился?

— Летал на пассажирском по трассе Москва — Ашхабад, — бойко рапортовал Южилин.

— Ночью, в облаках летал?

— Так точно, приходилось летать и в облаках, и ночью, и над морем, и над горами.

— Очень хорошо, все это пригодится, — сказал Юханов, поглядывая назад. — Что-то долго нет машины. А не пройтись ли нам по аэродрому. Кстати и познакомитесь с летным полем. Как думаете?

— С удовольствием, — ответили летчики и, схватив

чемоданы, зашагали рядом со стройным боевым командиром, которого все почитали в полку, как отца родного.

4

Приближавшийся шум моторов в воздухе услышали все сразу. Остановились, разглядывая горизонт. С севера появились восемь-девять точек на средней высоте.

— Наши СБ (скоростные бомбардировщики), — сказал Южилин.

— Нет младший лейтенант, ошибаетесь, — резко возразил полковник. — С такими я уже встречался в 1937 году в Испании. Это — «юнкерсы».

Точки быстро приближались и уже было видно, что самолеты заходят на аэродром, вдоль стоянок наших самолетов. Захлопали выстрелы зениток, затрещали пулеметы.

— Ложись! — скомандовал Юханов, и все трое распластались на земле, в самом центре аэродрома.

Послышался режущий ухо свист и глухие разрывы бомб, упавших совсем недалеко. Младший лейтенант стал приподниматься, думая, что все уже кончилось, но в это время пулеметная очередь защелкала рядом.

— Ложись! — громче прежнего крикнул командир полка.

Южилин прижался к земле, ища у нее защиты.

…Стрельба постепенно умолкла. Три летчика поднялись, отряхнули пыль.

— Понятно, что такое война? — спрашивает Юханов.

— Понятно, — разом ответили молодые пилоты, не бывавшие еще в боях.

Они вновь шагают рядом с командиром к стоянке самолетов, которая находится недалеко у леска.

Так встретили Южилина и Волкотруба друзья и враги.

5

Противник глубоко проник в глубь страны. Штаб Военно-Воздушных Сил требует все новых и новых данных о противнике. Бомбардировщик Южилина, оборудованный двумя мощными аппаратами, с высоты 5,5—6 тысяч метров фотографирует подходы к Киеву, Днепропетровску, скопления и колонны противника, идущие на восток. Снимки немедленно увозились в главный штаб.

…Однажды в августе Южилину приказали лететь в разведку. Экипаж давно уже был готов к выполнению боевой задачи, а туман, как назло, не расходился. Летчики «прихватили» с собой шесть стокилограммовых бомб.

В 11 часов дня засверкало солнце, и самолет поднялся в небо. Прошло сорок минут. На высоте 3000 метров встретилась густая облачность. По расчету через семь минут должна быть линия фронта, и Южилин «полез» вверх. В это время левый мотор начал «чихать», а радист Якубжанов докладывал: «Справа снизу два МЕ-109 заходят в атаку».

Радист и стрелок встретили противника пулеметным огнем, но у «мессершмидтов» преимущество — с них ведут пушечный огонь.

Атака. Экипаж мужественно защищается… Загорелся правый бензобак. Пилот делает левый разворот в сторону территории и тут узнает о гибели Якубжанова. Башня радиста умолкла, заменить погибшего некем.

«Мессера» повторили атаку, нападая на самолет Южилина снизу, из-под хвоста. Их встретил пулеметным огнем стрелок, но и он после второй атаки оказался раненым в левую руку. Южилин встревожился. Рули высоты не работали: ясно, что тяги перебиты. Самолет потерял управление. Пожар угрожает кабине. Бомбардировщик вошел в резкое пикирование и младший лейтенант подал команду экипажу: «Прыгай!»

Самолет падает с увеличивающейся скоростью. Пилот хочет выпрыгнуть, но в силу перегрузки фонарь кабины открыть невозможно. Секунды кажутся вечностью. Вдруг самолет перевернуло, фонарь легко отодвинулся и Южилин выпал из кабины.

6

Коснувшись земли, летчик собрал парашют и выхватил пистолет, приготовившись к самозащите.

К Южилину подошел неторопливой походкой пожилой колхозник-украинец. Разговорились не сразу. Папиросу из коробки «Шутка», предложенную Южилиным, колхозник не взял, исподлобья разглядывая босого парашютиста. «Черт его знает, наш или вражий, надо ухо держать остро».

Украинец свертывает цигарку, наполнив ее душистым самосадом, и косо глядит на пилота с револьвером в руке. Южилин, спохватившись, убрал пистолет. Ему очень захотелось крепкого табачку и он попросил у колхозника на папироску.

С этого и началась беседа.

— Какой район, папаша, и где линия фронта? — спрашивал Южилин, смущаясь и вопроса и неудобства своего положения.

— До района 35—40 километров. Ахтырка. Передовая три-четыре километра отсюда, — и колхозник показал рукой направление.

— Хиба не слышишь, як палят, — и старик усмехнулся уголками губ.

В самом деле, Александр хорошо различил глухие пулеметные выстрелы. Значит, он на своей земле.

Пока крутили цигарки и закуривали, подошла автомашина с бойцами. Пилота посадили в кузов и повезли в деревню. Там оказался южилинский стрелок, ему уже перевязали руку. Рядом с ним стоял гитлеровский парашютист, радист Ю-88, и медсестра перевязывала ему голову. Фашистского штурмана поймали на передовой. Где был штурман южилинского экипажа никто не знал.

Поехали к самолету. ИЛ-4, ударившись о землю, переломился. Младший лейтенант осмотрел погибшего радиста Якубжанова. Три пули пробили ему грудь. Взяв документы, комсомольский билет, Южилин вместе с жителями и солдатами похоронил своего воина на краю деревни.

В тыл вели большую колонну пленных. Южилин впервые увидел так близко вражеских офицеров и солдат. Офицеры шли гордой, надменной походкой, считая свое пленение каким-то недоразумением. Южилин посмотрел им вслед и подумал: «Скоро, господа завоеватели, пыл у вас поостынет».

7

Южилинскому экипажу, как и тысячам других, приходилось постоянно летать в разведку и одновременно сбрасывать на головы захватчиков бомбы. Гитлеровские армии упорно лезли на Москву, Ленинград, Сталинград, рвались к Волге.

Полк часто менял аэродромы. Однажды Южилину приказали произвести разведку над Сталинградом.

Ночь… Ураганный ветер подбрасывал самолет, вырывая из рук штурвал. Пришлось лететь на высоте не более четырехсот метров. Связь с землей прекратилась из-за обледенения антенны, но, к счастью, в районе Сталинграда оказалась безоблачная, тихая погода и пилот повел корабль ввысь. Зенитчики противника неистово открыли огонь, но умело маневрируя, Южилин сбросил свои «подарки» на головы зенитчиков и повернул назад. Через

полчаса самолет снова встретил снежную бурю и «сражался» со стихией.

Примерно через час полета, самолет Южилина оказался над каким-то незнакомым аэродромом. Здесь жгли большие костры, которые были еле видны. Связь с аэродромом установить не удалось, хотя радист без умолку передавал: «Я свой самолет, прошу посадку».

Пилот водит самолет по кругу, выбирает откуда лучше совершить посадку. На аэродроме увидели самолет, догадались, что пилот ищет место посадки и кроме костров зажгли две осветительные бомбы. Южилин посадил тяжелую машину в снег. При этом лопнуло колесо.

Пришла автомашина и экипаж повезли к начальству.

— Мы своим летчикам запретили садиться, и они ушли на другие аэродромы, а тебя черт принес в эту сумасшедшую погоду, — вполне искренне возмущался командир полка. — Откуда ты взялся?

Южилин доложил.

— Не думал, что живы будете. Самолет прошел метрах в двадцати от водокачки. Ваше счастье, лейтенант, повезло.

— Мне нужно связаться с командованием. Где я нахожусь? — спрашивал Южилин.

— Район Балашова. Антенны обледенели и оборваны, связи нет.

Полковник приказал немедленно накормить экипаж и обогреть.

— Молодцы, — сказал он и попрощался с Южилиным.

Часа через два Южилин доложил на КП о результатах разведки, а утром экипаж отправился в свою часть.

Боевые вылеты. Жестокие схватки с врагом. Так шел день за днем, месяц за месяцем. Много славных дел совершил опытный летчик Южилин. Когда его представляли к званию Героя Советского Союза, в характеристике было записано:

> «Были геройские случаи. При выполнении боевых заданий днем Южилин несколько раз приводил на свой аэродром самолет, имевший сто и более пробоин зенитной артиллерии врага, а первого сентября 1942 года, при обороне Сталинграда, несмотря на то, что весь путь пришлось лететь в плохую погоду на высоте не свыше 100 метров, Южилин настойчиво пробился к цели и точным попаданием вызвал сильные взрывы и три очага пожаров. Над целью самолет был подбит, но отлично пилотируя, летчик привел корабль на свой

аэродром».

Это настоящий боевой подвиг.

Сталинградская группировка противника доживала последние дни. Наши бомбардировщики днем и ночью бомбят противника.

Январской ночью, когда ветер у земли достигал 18 метров в секунду, а поземка мела, забивая глаза, Южилину было приказано пойти на разведку и бомбежку. Самолет еще с вечера был на старте с бомбами и полной заправкой. При видимости, равной нулю, самолет взлетел и на бреющем полете шел почти до Сталинграда. Над городом погода ясная, и пилот, поднявшись на 2000 метров, зашел вдоль Волги на фашистские позиции, которые теперь называли «пятачок». В это время появились 50 «юнкерсов» и 30 «мессершмидтов». Заметив советский самолет, два МЕ-109 бросились на него. Радист Одуденко и стрелок Панылин Иван в первой же атаке сбили одного истребителя. Оставшийся МЕ-109 во время второй атаки зажег левый мотор южилинского самолета, и он стал давать перебои. Южилин перешел на бреющий полет, чтобы уйти от врага. В это время подошли наши «яки» и ПЕ-2. Завязался крупный воздушный бой и очень немногим самолетам противника удалось уйти на свои аэродромы.

8

В конце декабря 1942 года авиация дальнего действия получила боевую задачу — сорвать новое генеральное наступление на Москву. Полк, в котором служил Южилин, базировался под Москвой. Летчикам было дано задание уничтожить крупную группировку фашистов в районе Ржева. Советские соколы наносили мощные удары по скоплениям врага, делая по два вылета в ночь. Делалось так: авиаполк три-четыре минуты бомбит и уходит, чтобы дать место другому полку. И так всю ночь. «Генеральное» наступление врага было сорвано.

В полку были и такие летчики, которые вылетали на бомбежки по три раза в ночь. Таким был, например, капитан Бодунов — заместитель командира эскадрильи по политической части. Этот бесстрашный человек обычно самые трудные задания всегда брал на себя.

В полку выросли подлинные мастера меткой бомбардировки. Летали они в дождь и туман, в снег и ураган. Это — Бодунов, Герой Советского Союза Юрченко, Южилин, Кувшинов и другие. Капитан Бодунов погиб смертью храбрых. На смену влились

свежие силы, молодые летчики Георгий Муравьев, Фомин, позднее ставший Героем Советского Союза.

Эта группа смелых имела особый позывной — «Дельта». Стоило получить по радио сигнал: «Дельта 7» и взмываются в воздух прославленные летчики.

9

Зима 1943 года. На аэродроме кипит напряженная работа. Слышен привычный звук моторов. Вокруг летного поля стоят белые двухмоторные воздушные корабли, а под фюзеляжами чернеют бомбы.

Летчики получают боевую задачу:

> «Уничтожить эшелоны с техникой и живой силой на станции Батайск, задержать подходящие резервы».

Экипажи внимательно изучают маршрут, боевую задачу.

— Самолет готов к полету, — четко докладывает Южилину техник.

Экипаж у самолета. Сегодня штурманом летит замполит эскадрильи Яскин.

— Ну как, Южилин, отвезем подарочек врагу, — весело говорит Яскин.

— Будем бить без промаха, — отвечает Южилин и дает команду: «По местам!».

Тихо на аэродроме. Алеет запад в облаках вечерней зари. В воздухе с шипением летит зеленая ракета, и вот она уже распласталась, как жар-птица. Через секунду пришла команда:

— От винтов!

— Есть от винтов.

Заработали десятки пропеллеров. Лопасти загребают воздух, гонят его под фюзеляж. Самолеты подруливают к взлетной площадке. Короткое «мигание» на плоскостях и взлет разрешен.

Самолет тяжело, но послушно оторвался от взлетного поля. Моторы работают ровно.

— Связь установлена, — докладывает Одуденко.

— Хорошо, — отвечает Южилин.

Яскин уверенно дает курс и самолет ложится на заданное направление.

Через два часа полета впереди стали видны пожары, вспышки орудий, гирлянды ракет. Это — линия фронта. Близко враг.

— Смотреть внимательно за воздухом, — предупреждает командир корабля.

— Есть внимательно смотреть!

Самолет проходит через передний край.

— Скоро цель, — говорит штурман, — впереди облачность.

— Ну что ж, пойдем под облаками, — говорит Южилин.

Вспышки прожекторов коснулись самолета.

— Довернуть 10 градусов влево, — раздается команда штурмана. И Южилин доворачивает послушную машину на цель.

Резкий шипящий звук — это открылись бомбовые люки, и бомба, на которой написано «Смерть Гитлеру», пошла вниз.

Самолет уходит с разворотом от цели. Рядом разорвался зенитный снаряд.

— Слева сверху разрыв, — докладывает Одуденко.

— Справа сзади разрыв, — кричит стрелок.

Самолет выравнивается и с повышенной скоростью уходит назад.

Вдруг яркое пламя сзади осветило облака и горизонт.

— Что такое? — спрашивает командир.

— Бомбы попали в эшелон с горючим, поэтому большой взрыв, — сообщает Яскин.

— Очень хорошо, — и Александр Григорьевич еще крепче сжимает штурвал.

— Над станцией большой пожар, — радуясь успеху, сообщает радист.

— Смотреть за воздухом, — командует Южилин.

10

Мы с Южилиным сидим в уютной комнате и полностью отдались воспоминаниям. Перелистываем летную книжку, сохранившуюся до сих пор.

— Разве все запомнишь, — извинительно замечает Александр Григорьевич. — Боев было много, удачных и неудачных. Всякое случалось.

Я прошу Южилина рассказать о боевых вылетах в глубокий тыл противника.

…Мы стояли на подмосковных аэродромах. Наши ИЛ-4 были оборудованы добавочными баками и это позволяло совершать дальние полеты, находясь по 10—11 часов в воздухе. Помню, в апреле сорок третьего летал на Берлин. Выходили к Балтике и, ориентируясь береговой линией, поворачивали на Штеттин. От него до Берлина сорок минут полета.

Сплошные мечи прожекторов рябили в глазах, мешали пилоту и штурману. Ежесекундные вспышки разрывов зенитных

снарядов нервировали экипаж.

Когда оказались над Берлином, были ясно видны очаги нескольких пожаров. Это только что ушли английские самолеты, которые, видимо, неплохо поработали.

Наши бомбы легли хорошо на цель, и зловещие языки большого пожара осветили поверженный город.

Развернув корабль под прямым углом, я уводил его от зенитного огня, но все же один осколок угодил в правый мотор и он начал давать перебои. Так и тянул на одном моторе около тысячи километров. Но, представьте себе, благополучно привел самолет на свой аэродром. Такие случаи нередко бывали и с моими товарищами.

…В феврале 1944 года Южилин за две недели четыре раза вылетал со своим звеном на вражеские объекты, расположенные в Финляндии.

26 февраля, вернувшись с бомбежки, Александр Григорьевич почувствовал неприятное колотье и боль в пальцах ног и рук. Обморозился в полете. Спросил товарищей об этом совсем неожиданном явлении, а у них тоже самое. Ноющая боль усиливалась.

…Командира звена гвардии капитана Южилина позвали к командиру полка подполковнику Аверьянову.

— Как самочувствие капитан? — спросил Аверьянов.

— Хорошее.

— А как руки, ноги? Здорово прихватило?

— Есть маленько, — ответил Южилин.

— Вот что, дорогой капитан. Через час нужно лететь снова в Финляндию. Можешь или трудно будет?

— Могу, — уверенно ответил Южилин и стремительно выбежал из землянки, боясь, что командир может изменить свое решение.

Задание командования было выполнено. Позднее было установлено, что бомбы, сброшенные летчиками, ложились точно на военные объекты. Точное ночное бомбометание русских летчиков ошеломило врага.

— Потом пришлось на месяц с лишним уехать в госпиталь, а так ничего, сошло — рассказывает Южилин.

11

В апреле южилинское звено летало на Тильзит и Кенигсберг. Дальние полеты по-прежнему чередовались с налетами английской и американской авиации. Боевая дружба союзников

крепла.

…Противник подтягивал резервы к окруженному Севастополю. Эскадрилье приказано на дальних подступах разрушить узловую станцию, уничтожить скопление вражеских эшелонов.

Посмотрев на Южилина, штурман эскадрильи Коньков сказал:

— Какой калибр бомб взять, вы сами знаете.

— Машина к полету готова, — поблескивая золотыми зубами, доложил техник Ворошилов Виктор.

Ворошилов — неутомимый труженик, весельчак, каких поискать. Три года он обслуживает южилинское звено. Летчики всегда уверены, что этот воин безупречно подготовит самолет к полету.

Южилин улыбнулся и вспомнил в эту минуту, как в зимнюю стужу, в пронзительный ветер, когда тысячи мельчайших крупинок снега окутывали моторы, Ворошилов с распухшими пальцами менял цилиндры и, опробовав моторы, неизменно докладывал: «Манюня», как всегда, в порядке».

К самолету подкатила легковая машина, и из нее вышел плотный, среднего роста пожилой офицер.

— Капитан Южилин? — спросил он.

— Да.

— Полковник Зусиков из генерального штаба. Я штурман и полечу с вами на боевое задание. — Зусиков отдал папаху штурману капитану Воронецкому, взяв у него шлемофон.

Экипаж занимает свои места.

Южилин по привычке командует:

— Штурман, курс! — и тут же спохватывается — на штурманском месте не Гриша Воронецкий, а москвич.

Через два часа линия фронта осталась позади. Видны вспышки разрывов. «Наши уже работают», — подумал Южилин.

Над головой плывут редкие облака. Ярко светит луна.

«Сейчас бы на тебя штору одеть», — думает Южилин, поглядывая на луну, и командует:

— Смотреть за воздухом!

— Есть смотреть! — откликаются Одуденко и Паньшин.

— Заходим к станции под 30 градусов, — сообщает Зусиков.

— Есть под 30 градусов, — отвечает пилот.

Заходить на цель пришлось при ярком освещении луны.

— Хорошо вижу станцию, — говорит полковник-штурман. — Держи курс, скорость и высоту.

Сброшена бомба. Самолет делает разворот.

— Домой? — спрашивает Южилин.

— Нет. Разрыв около здания станции, путь не поврежден. Еще заход, — командует штурман.

При следующих заходах три бомбы положили на железнодорожные пути и одну — в здание.

Бьют вражеские зенитки, иглы прожекторов, кажется, насквозь прошивают бомбардировщик, но экипаж работает уверенно. Еще один заход. Последние бомбы снова накрыли цель.

…В мае бомбили суда и транспорты в Севастопольской бухте. При подходе к Крымскому полуострову погода улучшилась. Штурман Воронецкий уверенно прокладывает курс. Впереди видна бухта, освещенная огнями с воздуха. Разрывы снарядов и сотни прожекторов противника сопровождают наши самолеты. Вот на воде вспыхивает сильный взрыв. Взорвался транспорт.

— Мы тоже свой груз положим куда надо! — кричит штурман.

— Довернуть влево на пять градусов, — слышит Южилин голос Воронецкого. — Так держать. Бомбы сброшены точно в цель.

Самолет уходит от цели.

— Поработали сегодня неплохо, — рассуждает капитан Воронецкий. — Многие корабли врага не уйдут в море.

12

В апреле 1944 года авиация дальнего действия бомбила военные корабли и транспорты в румынском порту Констанца.

К самолетам обычно подвешивали одну тысячекилограммовую бомбу и десять «соток» специального назначения. Выходили на Черное море западнее Одессы. Через лиманы Дуная шли вдоль берега.

Однажды, за пять минут полета до Констанцы, на высоте 5000 метров, встретилась сплошная облачность. Самолет пошел на снижение.

— Штурману и радисту! Снижение 15—20 метров в секунду! — крикнул пилот и добавил: — Спокойно!

Теряя высоту с огромной быстротой, самолет вывалился из облаков. До земли оставалось не больше 1500 метров. Южилину удалось вывести самолет в горизонтальное положение прямо над целью. Штурман сбросил бомбы на корабли и транспорты. Экипаж увидел взрывы и пожары. Утром агентурная разведка подтвердила, что было потоплено несколько транспортов врага. Выходит, что налет был удачным.

13

Шел последний год войны. Авиадивизия ночью бомбила столицу Венгрии. Один самолет южилинского звена столкнулся с другим нашим самолетом и оба экипажа погибли, кроме летчика, выброшенного из кабины при столкновении. Раскрыв парашют, пилот скоро коснулся земли. Его схватили и посадили в крепость.

Утром на допросе тщательно выбритый пожилой полковник, ломая русский язык, приглашал советского летчика к столу. На столе документы погибших экипажей, удостоверение личности и комсомольский билет пленника, а также фотоальбом авиаполка.

— Полюбуйтесь, герр пилот. Вот ваш Аверьянофф, это начальник штаба, это ваш командир звена Южилин. Немец показывал пленнику фотографии хорошо известных ему товарищей — однополчан, правильно называя фамилии и должности. На конвульсивно дергающемся лице гитлеровца скользила профессиональная улыбка палача.

— Аверьянова давно нет, — решил врать лейтенант. — Южилина тоже убрали, — и летчик уверенно назвал несколько имен пришедших на память.

— О, ви молодец, герр пилот. Война. Все может быть, о, да. Пудем каварить. Мы… — тянул полковник, — благородна, феликодушен нация. Немецкое командований предлагает вам Ю-52. Это прима аероплейн и ви будешь самый счастливый тшеловек. К вашим услугам марки, комфорт, прекрасное вино и фрау, о, да. Ви не боятся. Русски зольдатен никада ни пудет Пудапешт, Прага, Перлин.

Затаив гнев, пилот-комсомолец еле сдерживал себя. Если бы не два здоровенных эсесовца с автоматами на груди, стоявшие по бокам, он бы знал, что делать.

— Ваша прима — трехмоторная дрянь и пусть ее водят недобитые гитлеровцы, — только и успел сказать он.

— Молшать! — закричал, багровея, полковник. — Ви рюски швайн. Не хочешь жирна куски хлеб, немецка форма, полютшай морда, — и он ударил пленника парабеллумом по голове.

…Летчика отлили водой. Веки еле раскрылись. Голова болела и летчик не сразу вспомнил, что с ним произошло.

Допрос продолжался. Убертс предлагал сигареты, приглашал к столу, указывая на бутылку коньяку и налитые рюмки. Пленный молчал.

Полковник повторил предложение, грозился повесить летчика за отказ служить фюреру, но пилот смотрел на него ненавидящими глазами и, стиснув зубы, молчал.

Избитого и окровавленного лейтенанта уволокли в камеру и

бросили на ледяной, каменный пол.

Так продолжалось около двух недель. Молчание юноши-летчика бесило опытных, набивших себе руку эсесовских палачей и они поочередно допрашивали советского офицера и всякий раз били его до потери сознания.

14

Ранним утром летчика вывели из камеры и в коридоре толкнули к десятку таких же оборванных и изуродованных узников.

Комендант и двенадцать эсесовцев вывели пленных за крепость. Высокий, худой, с черной бородкой и усами пилот стоял в первой паре. «Куда ведут»… Он оглянулся на товарищей. Четыре пары в окружении конвойных шли еле волоча ноги. «Если смерти не избежать, все равно надо сопротивляться», — рассуждал летчик. Оглянувшись еще раз, пилот негромко сказал: «Крепитесь, товарищи!». Рядом шедший конвоир ударил прикладом, но летчик удержался на ногах, схватившись рукой за соседа.

…Вдали раздавались глухие взрывы. Их ведут все дальше. Наступили сумерки. Стрельба была все слышнее. Пленных загнали в пустующий венгерский дом. Дрожа от холода, голодные и уставшие, сначала шепотом, а потом и в голос заговорили пленные. Сразу потеплело на душе. О том, что их ожидает, старались не говорить, но все твердо решили: бежать при первой же возможности.

Летчик сидел у окна. Разве можно уснуть в такую неспокойную ночь! Кто виновен в ужасной катастрофе? — спрашивал он себя. Прильнув усталой головой к косяку, пилот в конце концов уснул.

…Утром выглянувшее из-за облаков солнце косым лучом проникло в дом. Стало теплее. Стрельбы уже не слышно.

И вдруг пленные увидели коменданта, идущего к домику веселой походкой. Офицер, переодетый в форму капитана Советской Армии, вбежал в помещение, распахнул дверь и крикнул:

— Выходите, товарищи, я вас передал командованию. Территория за ночь перешла в руки нашей армии. Подойдет машина, и мы поедем в штаб дивизии.

Пленные повскакали, не веря в «чудо». Может быть, это ловушка?

Пилот первым вышел на улицу, озираясь по сторонам. За ним

шли остальные. Солдаты конвоя собрались кучкой около дерева и громко спорили. Оружия при них не было. Война для них уже кончилась.

…С запыленной грузовой автомашины сошли двое: офицер и солдат. Улыбаясь, они шли навстречу своим собратьям.

— Я очень жалею, — говорит Александр Григорьевич, — что не могу вспомнить фамилии этого отважного летчика. Может быть однополчане помогут мне это сделать.

15

После Отечественной войны Южилин почти четыре года служил на Сахалине, где был инспектором по обучению технике пилотирования.

— И от Сахалина память осталась, — шутит Южилин.

…Однажды зимой, после взлета, отказали рули высоты.

— Как быть? — запросили по радио.

— Прыгать, — пришел ответ.

Южилин был без парашюта, а одевать его было некогда. Подал команду обучаемому: «Прыгай!» Радисту — тоже.

Последовал ответ:

— Прыгайте вы, мы за вами.

Выход один — сделать посадку. Южилин высмотрел снежные косы и посадил машину на одну из них. При этом было сломано шасси, а пилот получил сильные ушибы. Самолет прорыл глубокую траншею в двухметровом слое снега, распластавшись крыльями. Экипаж был цел. Это главное.

Когда с перевязанной головой Южилин пришел домой, Софья Григорьевна только и успела сказать:

— Я так и знала, что это должно случиться. Непутевый.

— Спокойно, Соня, — пытаясь улыбнуться, тихо произнес Александр.

* * *

Подполковник Южилин совсем недавно ушел на пенсию и переехал на Южный Урал. Но без работы он не мог жить.

Сейчас он работает контролером ОТК на Челябинском металлургическом заводе. Трудно Александру осваивать новую профессию, но эти трудности он успешно преодолевает.

— Сейчас у меня одна серьезная забота, — говорит Южилин. — Хочу получить шестой разряд, готовлюсь к этому

серьезно. А потом на курсы мастеров пойду.

Александра Григорьевича и поныне помнят в воинской части. Подвиги Южилина и его товарищей навечно занесены в историю гвардейского полка, а портрет Южилина висит среди других портретов Героев Советского Союза — боевых товарищей-однополчан. Есть портрет Южилина и в Саратовском аэроклубе, где оба они — и Софья Григорьевна и Александр Григорьевич — так славно трудились два десятка лет назад.

На груди Южилина — два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, 11 медалей. В августе 1944 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил Александру Григорьевичу звание Героя Советского Союза. К тому времени летчик высокого класса, коммунист Южилин имел за плечами 265 успешно выполненных боевых вылетов.

Александр Григорьевич тепло вспоминает своих боевых друзей и прежде всего радиста старшину Одуденко Василия.

— Это был настоящий коммунист, — говорит Южилин. — И все они — и Василий Одуденко, и Виктор Ворошилов, и Гриша Воронецкий, и Иван Паньшин — все они верные сыны нашей Родины, славные, сильные духом люди.